

★ А ★ Л ★ Е ★ К ★ С ★ Е ★ Й ★

ТРАДИЦИЯ

КРЫСА

БЕЗНОГОВ

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ
НЕОБХОДИМОСТЬ

ЭКСМО

Мир Алекса Королева

Алексей Бессонов

Стратегическая необходимость

«ЭКСМО»

2004

Бессонов А. И.

Стратегическая необходимость / А. И. Бессонов — «Эксмо»,
2004 — (Мир Алекса Королева)

На планете Альдарена, которая обещает стать сырьевым раем Конфедерации, один за другим гибнут геологи. Причем действия нападающих на них полудиких аборигенов раз от разу становятся организованнее и эффективнее. Ими явно кто-то руководит. Но кто? Конкуренты, решившие чужими руками провалить проект? Эсис, раса «наставников», практически уничтоженная в последней войне с человечеством и вознамерившаяся взять реванш, или неведомый новый противник, появившийся из глубин космоса? Разбираться со всем этим теперь предстоит легиону «Мастерфокс», военная «профессия» которого – спецоперации, репутация – врагу не пожелаешь, а командир – один из самых блистательных и удачливых военачальников прошедшей кампании. Однако с первого же дня пребывания на планете генерал Виктор Ланкастер убеждается, что работа его людям предстоит не совсем обычная и гораздо более сложная и рискованная, чем та, которой им до этого приходилось заниматься.

© Бессонов А. И., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2.	12
Глава 3.	22
Глава 4.	29
Глава 5.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алексей Бессонов

Стратегическая необходимость

Часть первая

Глава 1

1.

Майор Эрвин Рутковски пошевелил затекшими от долгого сидения в кресле ногами и горько выругался: писанины ему оставалось еще часа на два, а в казино у геологов уже начинались вечерние игрища. Вчера он просадил доктору Скотту половину недельного жалования и страстно мечтал отыгратья, но затягивать с документами было нельзя, – еще утром ему позволили с централа и сообщили, что войсковой транспорт, который ждали уже битую неделю, заходит, наконец, на посадку.

«Будь проклят этот Альдарен! – подумал Рутковски, терзая висящую перед ним иллюзорную клавиатуру. – Будьте вы прокляты, эти горы... горы... горы!..»

Он закрыл глаза и с усилием помассировал виски. Горы, тянущиеся на тысячи километров, древние горы Альдарена, рвущие своими снежными вершинами далекие облака, забыть было невозможно, он знал, что теперь они станут преследовать его до самой могилы. Ледяные ветры, заставляющие смотреть на мир через наглухо замкнутое забрало боевого шлема. Страшные и коварные провалы, поглотившие десятки его бойцов. Крылатые змеи, тупые, но не менее от того опасные, атакующие из совершенно невероятных укрытий – щелей, крохотных пещерок, из черной пасти ближайшей расщелины... и – выстрелы, выстрелы, выстрелы! Стрелы длиной в полтора метра. Тяжелые и примитивные, однако ж сбивающие бронированного десантника в пропасть, кремневые ружья. Древние имперские излучатели, неведь как сохранные в некоторых кланах, и пущенные в бой – против них!

Два года в этом проклятом мире прибавили Рутковски немало седых волос. Теперь его наконец снимали – весь легион, в котором он имел счастье командовать отдельным горнострелковым дивизионом. Теперь его ждал новый чин и служба в другом месте: втайне от самого себя Рутковски надеялся, что кадровики проявят хоть какую-то долю сострадания и отправят их несчастный легион на какую-нибудь ровную, а еще лучше – водянистую планету. Только не в горы! Проклятье, на равнине егерям тоже найдется работенка... а здесь пускай мучаются другие.

Над его головой неожиданно зазвенел колокольчик, и входная дверь упала вниз, освобождая проход. Майор Рутковски взлетел из кресла, поискал на столе пилотку, не нашел, и вытянулся по швам – в кабинет, чихая и ругаясь, неторопливо вошел длинный и тощий тип с погонами легион-генерала на кожаной, весьма редко употреблявшейся в войсках, куртке со множеством змеек.

– Э-ээ, а ч-черт! – возопил генерал, хватаясь за нос. – Ну и пылица у вас, colega! А-аа, чч-черт!!! Кондера у вас нет, что ли?

Недоуменно хлопая глазами, Рутковски все же дал себе труд приглядеться к вошедшему.

Ни рубашки, ни уж, тем более, галстука на нем не было – очевидно, генерал не обременял себя такими тяжеловесными излишествами. Рыцарский крест с Мечами был небрежно

пришпилен на кожу чуть ниже змейки левого нагрудного кармана. Под курткой генерал носил совершенно не уставной светлый пуловер собачьей шерсти, зато галифе и сапоги... Рутковски едва не поперхнулся. Кожаные галифе из строевой формы экипажей атмосферных машин и – роскошные, наверняка заказные бронеботфорты! Такого уникального набора он еще не видел.

Голову генерала, оснащенную густой черной косой, венчала вполне стандартная ушастая пилотка с незнакомым майору ромбом легиона.

«Victor Lancaster», прочел он на серебристой ленте «именничка», пришитой слева на груди генерала.

«Гренадер, – сказал себе Рутковски. – Какой черт мог загнать сюда гренадера?!»

Он кратко доложил о себе и остался стоять, совершенно не зная, что делать дальше – невиданное чудовище с генеральскими погонами, так поразившее воображение несчастного майора, не обращало на него внимания: Ланкастер бесцеремонно сдернул со стены висевший там имперский излучатель с намертво прогоревшим испарителем, захваченный в бою одним из унтеров Рутковски, и теперь недоуменно вертел его руках.

– Удивительно, – бормотал он, – просто странно даже, откуда он мог здесь взяться...

– С вашего позволения, мы захватили его во время одной из операций, – почтительно пискнул Рутковский.

– Что? – содрогнулся генерал. – Захватили? А, это, понятно, да. Я не о том – я понять не могу, как на эту планету могла попасть модель, разработанная специально для поставок на Лид-ду. Или в какой-то момент имперские интенданты совершенно запутались и отправили в войска партию экспортного оружия... гм... на аукционе за него можно просить хороший кусок. Будете уезжать, – забирайте с собой. А что это вы все столбом, коллега? Жопу отсидели?

Рутковски свалился в кресло и приготовился рапортовать о состоянии дел в легионе – сдавать дела было поручено именно ему, так как почти весь штаб во главе с доблестным командиром уже загорал на Авроре, вызванный особым распоряжением кого-то из столпов военной мысли, возжелавшим потолковать с людьми, проторчавшими свой срок в этом гостеприимном краю.

– Итак, ваша милость, – прокашлялся он, – я, временно исполняющий обязанности...

– Погодите, Эрвин, – махнул рукой генерал, усаживаясь в глубокое кресло напротив стола, – давайте без глупостей. Мы с вами профессионалы, вот и давайте... профессионально. Идет, майор?

Рутковски почувствовал, как у него вырастают крылья. Странноватый гренадер, похоже, был нормальным, живым человеком – больше всего майор боялся прибытия очередного «старого кавалериста», помешанного на грохоте каблуков и отглаженности рубашек. Таких он за свою жизнь навиделся более чем достаточно, и прекрасно знал, что сдавать запутанные и просто запущенные дела базы напомаженному педанту – хуже каторги. Ланкастера интересовало дело: отлично, значит, особых проблем ждать не стоит.

– Идет, господин генерал, – закивал Рутковски. – С чего начнем? Я тут готовлю отчет – для вас и для вышестоящего, понятно, штаба, так вот...

– Я, – перебил его генерал, – никаких отчетов никогда не читал. В юности как-то попробовал, но потом почуял, как паранойей запахло... и не пишу я с самой Академии, за меня их канцеляристы пишут. Кто их читает, тот пускай и с ума сходит. А мне мозги дороги. Итак: что из себя представляют наши подопечные?

– Геологическая база, филиал одного из столичных научных институтов, – вздохнул Рутковски. – Сперва лезли куда ни попадя, сейчас немного поуменьли, но все равно с ними то и дело что-то происходит. Летальные потери за период моей ответственности – сорок восемь человек. Из них тридцать пять – по причине контакта с местным населением. Контакт тут, как правило, летален...

– Это я представляю. Не думайте, что я не готовился к своей миссии. Конечно, я не думал, что нас загонят в такую дыру, но, как известно, мудрость начальства безгранична. Кто-то наверху решил, что нам самое время поразмяться... а что, эти наши ученые, они постоять за себя не могут? Тридцать пять трупов за относительно короткий период – это что-то многовато, вам не кажется?

– Солидно, – вздохнул Рутковски. – Но аборигены...

– Я читал. Немотивированно агрессивны, коварны, совершенно непредсказуемы. Да, я читал еще имперские материалы. Они ведь перед Большой войной целый дивизион обеспечения вырезали. Оттуда и имперское оружие. Следует благодарить боженку, что наши дорогие братики по крови живут только на одном континенте!

– Благодарить надо Айорс, – хмыкнул майор, – которые притащили сюда всю эту банду. Притащили и бросили. Если бы не горы, никто б из них не выжил. На равнинах тут творится такое, что вы себе не представляете. Мы потеряли нескольких идиотов, которые решили поохотиться на дракончиков с обычными бластерами. Да только дракончики иногда оказываются быстрее, чем подготовленный солдат.

– Кого-то из геологов, кажется, тоже пожрали?

– Нет, только покусали – там наши на катере подоспели и открыли такой огонь из восьми стволов, что мясо на километр летело. После этого, конечно, без прикрытия никто не рискует – задница-то не казенная! Но это, в сущности, полбеда. Беда в том, что все руды – и те, что были открыты в имперскую эпоху, и те, что раскапывают уже сейчас – находятся именно в горах. А гор здесь много. И никогда невозможно понять, откуда в тебя сейчас выстрелят. Детекторы биомасс работают не всегда, слишком много отражений из-за рельефа, а прятаться эти сволочи умеют так, как нам и не снилось. Вам придется столкнуться с необходимостью постоянно охранять временные лагеря геологоразведки. Конечно, у них полно робототехники, но без людей тоже не обходится. В свое время мы сошлись на том, что ни один из лагерей не должен торчать на месте больше трех-четырех суток. Поверьте, это как раз то время, в течение которого можно работать относительно спокойно. На четвертый день обычно появляются местные охотники. Иногда они не стреляют, но это еще хуже...

– Почему? – насутился Ланкастер.

– Они завели себе моду захватывать наших живьем. Да-да, не смейтесь, пару раз им такое удавалось. Расплачиваться с ними пришлось оружием. Правда, не совсем, скажем так, исправным, но... – Рутковски почесал нос и опустил глаза. – Впрочем, все это есть в отчете, вы можете ознакомиться.

Генерал почему-то вздохнул и поднялся из кресла.

– Отчет отчетом, – хмыкнул он, – а ваше мнение – это совсем другое, не так ли?... Ладно. Мне нужно бежать, заниматься размещением штаба, а с вами, я полагаю, мы еще встретимся.

– Разумеется, господин генерал, – выпучил глаза Рутковски.

Этот тип произвел на него самое странное впечатление.

2.

– А бараки у них отстроены недурно, – произнес Ланкастер, втягивая носом сухой ветер, несущий новые для него запахи чужой планеты. – А, Моня?

Начмед легиона флаг-майор Чечель, стоящий рядом с ним на небольшой возвышенности, что господствовала над лагерем третьего охранного дивизиона, недовольно передернул плечами и сплюнул в сторону желтовато-коричневых крыш типовых десантных казарм, спроектированных для установки на диких мирах.

– У нас командир усиления – не кадровый, – сообщил он.

– Как? – искренне поразился генерал. – Резервист?

– Хуже. Территориальная гвардия, потом университет... слишком долго мы воевали. Развелось у нас таких, мать бы его.

– Ты досье его смотрел?

– А как же. Нет, досье у него просто блеск – высадки, медали, аж Кассанданский Крест заработал. Но, толку? – территориал он и есть территориал.

– Но все-таки же в войсках его оставили...

– Оставили, – вновь дернул плечом врач. – Знать бы еще, на кой нам это усиление!

Ланкастер молча пожевал губами и уставился на север, где далеко-далеко, на самом горизонте виднелись приземистые, похожие отсюда на диковинные решетчатые цветы, сканеры противодесантных систем.

– Скоро сбор, – заметил он, бросив короткий взгляд на дорогой золотой хронометр, видневшийся из-под расстегнутого левого манжета куртки. – Ты знаешь, что на ужин?

– Мне положено, – горько отозвался Чечель. – Для господ старших офицеров нынче бигос по-бифортски. С грибами. Терпеть не могу.

– Жри манную кашу, – посоветовал ему Виктор и легко потрусил вниз, к трехэтажному штабному корпусу, подле которого стоял малый орбитальный бот.

Получасом позже генерал Ланкастер поправил засунутую под ворот свитера салфетку и стукнул вилкой по стоящему перед ним бокалу:

– Все здесь? Можно ужинать.

– А то мы не знали, – пробурчал себе под нос Чечель и осторожно ковырнул вилкой в тарелке. После одного старого отравления, едва не стоившего ему жизни, грибов он боялся панически.

За столом увлеченно чавкали, прекрасно зная, что командир не зря вернул их всех на борт носителя, оторвав от множества неотложных дел по размещению штабного персонала и имущества. Сейчас будет инструктаж, первый на этой довольно странной планете: говоря по совести, мало кто из собравшихся на ужин офицеров представлял, о чем именно пойдет речь. Уж слишком необычным, чтобы не сказать таинственным, выглядело это назначение.

Ланкастер дождался, пока люди начнут откладывать в сторону вилки и налил себе легкого белого вина.

– Как вы, конечно, догадались, я имел совершенно определенный приказ, запрещавший мне доводить до вас точку высадки, – будничным голосом произнес он и сделал небольшой глоток. – Поэтому я благодарен всем вам за отсутствие дурацких вопросов во время перелета. Извиняться я, понятно, не стану...

– Разрешите вопрос, командир? – перебил узкоплечий подполковник, сидевший в дальнем углу стола.

Генерал скользнул взглядом по его обветренной остроносой физиономии, на которой мокро посверкивали хитрые, выпуклые, как у мыши, черные глазки, и улыбнулся.

– Да, Ари?

– Я могу поинтересоваться, откуда исходил приказ? Из штаба крыла? Или?..

– В штабе крыла эпидемия, – безмятежно заметил Чечель. – Размягчение мозга – опаснейшая инфекция, джентльмены.

– Или, – кивнул Ланкастер, не обращая на врача ни малейшего внимания. – А что, вы тут думаете, меня это все не удивляет? Есть два объяснения – простое и сложное. Простое должно быть очевидно для вас без подсказок, а в сложном я вовсе не уверен и говорить о нем не хочу. У вас уже есть все необходимые документы, кое-что вы знали и без них, так что долгая болтовня нам ни к чему. Все понимают, куда мы попали... Сейчас главная задача – расквартироваться, подтянуть после перелета людей и попытаться получить максимум информации по обстановке. На наших уважаемых предшественников рассчитывать не следует, я уже понял: эти олухи тут только и делали, что охотились на монстров да спали в дозорах. У них тридцать пять трупов

гражданских исследователей. Для нас, как вы понимаете, такая цифра станет позором. Впрочем, беседы с учеными я пока возьму на себя, у вас хватит других дел. Первое – определиться с орбитальной наблюдательной группировкой, роботы должны висеть над материком круглые сутки. С программными ориентирами мы разберемся чуть позже, пока я хочу просто поглядеть на все это безобразие. Начальнику оперативного отдела – подобрать все доступные материалы по планете, размножить их в необходимых количествах и подготовить к первичному анализу в соответствии с той информацией, которую мы получим в ближайшее время. Через трое суток мы соберемся снова и каждый изложит мне свою точку зрения на проблему. Начальник разведки: Барталан, ты должен быть готов к тому, что дежурное звено атмосферной техники может понадобиться буквально в любую секунду, поэтому помимо дозора держи в готовности еще одно. Если наши парни подумают, что здесь курорт с прекрасной охотой, я вышибу из них эти мысли вместе с мозгами... Больше я пока ничего не скажу: работайте, джентльмены, и не дергайте меня без толку.

3.

В толстых, густо поросших рыжим волосом пальцах доктора Скотта чуть качнулся узкий тонкостенный фужерчик, и Рутковски не без труда подавил тяжелый вздох. Отыгаться не удалось, хорошо хоть при своих остался. А эта жирная сволочь, тем временем, получила с корабля свой заказ и теперь вот наливается дорогущим виски, до которого несчастному Эрвину тащиться с десяток парсек минимум.

– Так как, вы говорите, называется этот легион? – Геолог пошевелил мохнатыми седыми бровями, и осторожно, словно обращаясь с ядом, налил Рутковски на два пальца.

– «Мастерфокс», – машинально ответил тот, не вспомнив даже, что он, собственно, еще ничего и не говорил.

–»Мастерфо-окс«, – нараспев повторил Скотт и повернулся к своему коллеге магистру Тассмену, – это уже интересно, не правда ли?

– Не понял? – прищурился тот.

– Да это я к тому, что чудные у нас тут вещички происходят, друзья мои, – Скотт разговаривал скорее с самим собой, нежели с окружающими, и наслаждался производимым впечатлением. – Неужели же у вас такая короткая память?

Тассмен раздраженно махнул рукой и, не дожидаясь, пока ему нальют, сам потянулся к мощной литровой бутылки с гнутой ручкой на боку. Он снова продулся, поэтому сейчас его не интересовало ничего, кроме выпивки.

– Да ведь это же тот самый легион, который прославился на Виоле! – возмутился Скотт. – Вы помните восстание в последний год войны?

– Что-то действительно припоминаю, – согласился Рутковски. – Только в тот момент я был очень далеко. А кто там, собственно, восстал?

– Востали там аборигены. Не все, конечно, а какой-то большой остров, но известно, что давил их именно наш славный «Мастерфокс». До того о них никто и не слыхивал... скрыть эту историю не удалось, и сразу после окончания боевых действий командира должны были отдать под суд.

– За что? – не понял офицер. – Мятеж во время войны... да смеетесь вы, что ли?

– За резню. По крайней мере, речь шла именно о резне и большом количестве виселиц. Был момент, когда об этом событии довольно много говорили, но потом – оп! – и кто-то сделал болтунам ай-яй-яй. Тут же начались слухи, что мятеж аборигенов был инспирирован эсис, а сражался там якобы какой-то глубоко секретный легион, давно уже использовавшийся во всяких особых миссиях.

– А – аа, – Тассмен не донес до рта ломтик поджаренной ветчины. – То есть вы хотите сказать, что к нам перебросили единственный легион Конфедерации, которому уже приходилось резать л ю д е й?!

– Я всегда говорил, что вы умница, Гарри, – расплылся в улыбке Скотт. – Наливайте себе еще, не стоит так дуться на меня из-за проигрыша... и давайте пока не будем распространяться о наших догадках: я слышу, к нам бредут коллеги. Вы будете играть дальше, Эрвин?

– Нет уж, спасибо, – дернул головой майор. – Я пошел, пожалуй. У меня еще документы: сдача позиции, так сказать. Прощу простить, джентльмены...

Рутковски выбрался на воздух и, ежась от холодного влажного ветра, побрел в сторону штаба. Слова Скотта пробудили в нем смутные воспоминания. Теперь он уже знал, о чем шла речь... но все это выглядело более чем странно. Будь Эрвин Рутковски человеком чуть менее робким и субординированным, он, пожалуй, явился бы к этому долговязому генералу с бутылкой и попытался потолковать с ним по душам – в конце концов, традиции недавней войны еще не до конца испарились в войсках, но увы. В сопляках майор никогда не числился, зато его личная скромность носила несколько болезненный характер, благодаря чему его уже не раз обходили по службе. Войдя в свой кабинет, Рутковски со вздохом распахнул стенной сейф и извлек бутылку армейского пайкового рома. Стакан он всегда держал в нижнем ящичке типового письменного стола. Впрочем, здесь все было типовым и казенным – стакан тоже.

Что-то они затевают, сказал себе Эрвин, наливая на пару глотков.

Когда месяц назад на базу неожиданно прибыл полностью укомплектованный – по штатам военного времени, гм! – противодесантный дивизион, оснащенный новейшими комбинированными ракетно-лучевыми системами с чудовищной мощностью поражения, Рутковски просто пожал плечами. Почему бы и нет? Возможно, парни имели задачу на проведение каких-нибудь контрольных стрельб и тренировки расчетов в условиях «ровного места». Пока, правда, стрелять никто не собирался. Дивизион осел плотно, стационарно, в рекордные сроки отстроив себе парки и укрытия – в ход пошли подземелья давно заброшенной имперской базы, – развернул все положенные системы обнаружения и принялся нести службу. Всерьез и надолго.

Эрвина, в конце концов, это не касалось никак, а задумываться о хитросплетениях стратегической мысли вышестоящих военачальников он не желал.

Но лучший антидиверсионный легион Конфедерации, хитрые лисы, приученные вынюхивать, выслеживать и давить ядовитых мышей, проникающих в темные щели старых амбаров? Он прекрасно знал, что мятеж на Виоле был осуществлен с подачи эсис. Однако ж помимо Виолы было и еще кое-что, и об этом Рутковски тоже слышал. Были тайные базы на Диких Мирах и не слишком афишируемые операции по захвату невероятно далеких и бог весть кому нужных планет, вызванные какими-то высшими стратегическими интересами. В большинстве этих операций действовал именно «Мастерфокс», таинственный легион, сформированный в первый год войны из разномастных специалистов, появившихся словно ниоткуда.

Какие интересы могли забросить его сюда?

Бедняга Рутковски, конечно, не знал, да и знать не мог, что особый легион «Мастерфокс» существовал в с е г д а. Ну, может быть, не всегда, но давно. С того самого момента, когда внешней разведке стало окончательно ясно: новая война неизбежна, и подготовиться к ней, как водится, не удастся. Психология будущего врага была ясна не до конца, но кое-что понять все же удалось. Они, подозрительные парни в черном, знали – после того, как сорвется первый, ошеломляющий по силе удар, эсис начнут войну другого рода, используя до сих пор слабую связь между некоторыми человеческими мирами и многочисленные внутренние противоречия огромной, плохо управляемой Конфедерации. Сил Службы Безопасности не хватит, как ни увеличивай ее штаты. Вербовать агентов везде, где только можно – да, способ. Но и этого мало. Агенты – только глаза и уши, нужен кулак. Нужно высококомобильное, ни на что, по сути, не похожее, ударное подразделение, укомплектованное специалистами высочайшего уровня, спо-

способными действовать в любой, даже совсем уж запредельной обстановке. Способными, когда это будет нужно, выслеживать и жечь представителей своей расы. Простого солдата на такое не пошлешь, свихнется. . .

Тогда из линейных подразделений стали исчезать люди – один, другой, третий. Официально они убывали на переподготовку, но в свои части уже не возвращались. Примерно через год «переподготовленные» с повышением приписывались уже к другим легионам и тихо тащили службу. До тех пор, пока не раздались первые залпы новой войны.

Тут они исчезли еще раз, чтобы объявиться в составе вновь сформированного легиона, не проходившего пока ни по одному из тысяч кадровых регистров вооруженных сил. Даже номера у него не было. Вот знамя было, а номера – нет. Да и зачем, собственно, ему номер?..

И уж, конечно, никто не обратил внимания на исчезновение скромного молодого подполковника, просиживавшего галифе в одном из научных институтов генштаба. Мало ли в Конфедерации докторов военных наук, ни разу в жизни не командовавших даже взводом?

Взводом подполковник, однако, командовал. И ротой тоже. Правда, эти эпизоды его служебной биографии почему-то не упоминались в послужных листах, надежно похороненные под пылью спецхранов кадрового управления.

Обо всем этом Рутковски не слышал.

Но и того, что он знал, было вполне достаточно, чтобы понимать – надо уносить отсюда ноги как можно скорее. Кто-то заваривает кашу. . . о том, что это за каша, ему не хотелось даже думать.

Глава 2.

1.

Ланкастер глотнул кофе, поправил тлевшую в пепельнице сигарету и снова опустил руки на виртуальную клавиатуру.

«...Захват одного из штабных кораблей, на борту которого находились трое офицеров стратегического уровня, стал шокирующим событием... первые же допросы – а данные генералы, следует заметить, шли на контакт довольно охотно, настолько велико было их презрение к представителям „молодой“ расы, – дали информацию, в которую сперва просто не хотелось верить. Так, один из пленных, ответственный за стратегическую разведку так называемой „южной армии“ неприятеля, на вопрос о его личной оценке мобилизационных возможностей Конфедерации, едва ли не со смехом заявил, что говорить о чем-либо большем, нежели развертывание двух-трех корпусов, укомплектованных резервистами недавних сроков демобилизации, он не может. Такое заявление повергло представителей „Ц“-службы Флота, осуществлявших допросы, в искреннее недоумение. Пленный начальник разведки был отправлен на срочную мнемозэкспертизу. Эксперты указали, что тот не лжет. Всю тактику дознания пришлось кардинально менять... последующие беседы выявили не просто неподготовленность неприятеля, а нечто вопиющее, никак не укладывающееся в привычные нам рамки сбора информации о грядущем объекте удара. Понятие „мобилизационный ресурс“ для эсис являлось чем-то расплывчатым. О мобилизации экономики речь не шла вовсе. Когда пленному показали истинные возможности нашей военной промышленности, способной, как выявила практика, в кратчайшие сроки не только восполнять все потери в технике, но значительно, в разы, увеличить ее производство, вся его спесь буквально испарилась. Автор присутствовал при одном из поздних допросов этого генерала и видел, насколько подавленным и даже испуганным тот стал после короткой экскурсии по нескольким верфям Авроры.

Последовавшие вскоре сражения, происходившие уже при неизменном количественном перевесе сил Конфедерации, показали полнейшую правоту выводов, сделанных комиссией «Ц»-службы на основании допросов пленных генералов неприятеля. (Следует заметить, что доклад, представленный комиссией, многие сочли не просто излишне смелым, а откровенно лживым!)

На третий год войны, благодаря работам корпорации «Энгельгард мекеник» и Бифортского арсенала Флота, в значительной мере было преодолено и то качественное преимущество в области систем управления и вооружения, которое противник имел в первый период войны. Следует откровенно признать, что концептуальные различия в подходах к исполнительным системам боевых кораблей, ярко проявившиеся в первые же дни войны, сохранились до самого перемирия, и здесь счет не всегда был в нашу пользу. Впрочем, большая, по сравнению с нашими кораблями, гибкость искусственного интеллекта, компенсировалась, во-первых, полнейшей шаблонностью в действиях неприятельских командиров,

маневры которых легко просчитывались даже нижними чинами экипажей Конфедерации(!), чему лично автор был свидетелем, а во-вторых, огромной огневой мощью и живучестью наших «летающих крепостей» поздних поколений. Так, стандартное построение типа «боевая плоскость», сворачивающаяся при необходимости в полуцилиндр, причинившее нам сперва немало бед, оставалось неизменным даже тогда, когда была разработана тактика, позволяющая эффективно уничтожить противника в момент «сворачивания» – фланги уходили «вниз», открывая, таким образом, центр плоскости, в которой всегда шли корабли управления. Последние гибли мгновенно, не успев принять никаких мер по собственной защите, а дальше бой развивался уже по нашим правилам. Командиры неприятельских кораблей, потеряв командное ядро, продолжали выполнять свой маневр, словно не замечая того, что более быстроходные и защищенные человеческие корабли уже давно ускользнули из ловушки и, разбившись на звенья, отсекают фланги, чтобы затем уничтожить вырванные из строя корабли.

На место погибших эсис слали тысячи и тысячи новичков, совершенно не знакомых с обстановкой и способных лишь на такие же, будто по лекалу вычерченные, однобокие действия – в конечном итоге, в пространстве война для нас приняла характер охоты. Но так было, увы, не везде. На некоторых, малоизвестных широкой публике, театрах мы до последнего дня сражались с полнейшим напряжением всех сил, беспрестанно оказываясь в нештатных, непредусмотренных уставами ситуациях, которые вынуждали нас к импровизациям. По сути говоря, нам приходилось то и дело выкручиваться, часто выбирая между привычными нравственными нормами нашей расы и жестокой военной необходимостью.»

Генерал Ланкастер вздохнул и отключил мемориблок. Он не знал, удастся ли ему когда-нибудь опубликовать эту свою работу, но был твердо уверен: написать ее он должен. Слишком многое прошло перед его глазами за последние годы, слишком большой опыт, необходимый грядущим поколениям, он получил. Будучи, по сути, ученым до мозга костей, Ланкастер хорошо понимал, что такое обобщение и систематизация информации – тем более, что его опыт был в немалой мере уникален. Будущие контрразведчики еще скажут ему спасибо...

Дверь его кабинета требовательно загудела. Ланкастер бросил взгляд на часы, недоверчиво улыбнулся и протянул руку к сенсору открытия.

– Господин генерал! Полковник Томор явился для прохождения службы согласно приказа...

– Здравствуйте, – мягкий голос Ланкастера заставил вошедшего сбиться на полуслове. Командир дивизиона клацнул зубами и осторожно опустил правую руку. – Садитесь, Томор, я не могу разговаривать с вами стоя.

Виктор указал вошедшему на ворсистое синее кресло в углу кабинета и прошелся вдоль стены, оправляя на себе китель. Полковник молчал, провожая его глазами, – Ланкастер, чуть заметно шурясь, крался по толстому ковру: он остановился тогда, когда первое мнение о командире противодесантного усиления сформировалось в его голове окончательно.

– Хоть вы-то понимаете, чего ради вас засунули в такую дичь, да еще и прицепом к особому легиону? – в упор спросил он.

– О том, что вы «особый», я узнал только вчера, – Томор сложил свои тонкие губы сердечком и покачал головой, будто сожалея о чем-то. – А вот насчет понимания...

– Откровеннее, Томор, иначе нам тут не сработаться. Я, например, кое-что понимаю, но чем больше об этом думаю, тем сильнее запутываюсь.

– Либо мы «подсадные», либо здесь какие-то игры.

– Bravo! – Ланкастер скользнул в свое кресло, пошарил рукой в тумбе массивного деревянного стола и достал бутылку: – Виски будете?

– Буду, – серьезно ответил Томор. – А почему вы проверяли меня на идиотизм?

– А потому что я боюсь идиотов, – признался генерал. – И еще... ваше – именно ваше лично, – назначение развеяло кое-какие мои сомнения. Другие, правда, остались, но сейчас я о них не буду. Всему свое время, договорились? Как вас зовут, кстати?

– Вы же знаете, – хмыкнул комдив. – Антал Томор, всегда к услугам вашей милости. Бывший унтер-офицер Кассанданской Территориальной гвардии, выслужил майорский чин, потом закончил заочную академию десантных сил, специализировался на мобильных зенитных системах, четыре высадки, два ранения, по собственному желанию оставлен в кадрах...

– Я не знал, что вы из унтеров, – искренне удивился Ланкастер. – Только не подумайте, что это уменьшает мое к вам уважение!

– Я социотехник по образованию. Занимался финансовыми прогнозами и все такое... на уровне среднего бизнеса, не более, к биржам меня не подпускали. А лейтенанта я получил после первой же высадки эсис на Кассандану – помните?

«Я в то время был дьявольски далеко от Кассанданы, – подумал Ланкастер, – и она меня, по совести, не слишком интересовала.»

– Помню, – сказал он. – Теперь понятно. Вы их просто в блин раскатали, они долго очутились... да, было.

– Я стоял на южном полюсе. Всем выжившим дали офицерские чины. И рядовым тоже – правда, мало кто войну пережил.

Внешность Томора производила странное впечатление – при том, что он то и дело шевелил губами и втягивал щеки, верхняя часть лица оставалась почти неподвижной, словно зазеленелой; водянистые зеленые глаза и тонкие брови только углубляли это ощущение. Определить его возраст было практически невозможно, полковник замер между тридцатью и шестьюдесятью – Ланкастер знал, отчего это. Таких, как он, в армии оставляли весьма охотно – вот только осталось их и в самом деле не много...

– Какой у вас был приказ? – спросил Виктор, выставляя на стол приплюснутую красную бутылку.

– Ничего особенного, если, опять-таки, не слишком задумываться, – Томор, щурясь, рассматривал угощение. – Расквартироваться, оборудовать позиции, используя при этом территории старой имперской базы, и держать готовность два. При этом одна рота должна быть мобильна для переброски на другую сторону планеты. Довольно стандартно – так, как будто мне следует удерживать плацдарм до прибытия основных сил. Или отбиваться от очень слабого контингента. Одним дивизионом, даже таким, как у меня, планету не удержишь.

– Может быть, держать следует только базу? – Ланкастер присел на край своего стола и поднял серебряный бокальчик.

– У меня почти восемьдесят процентов ветеранов, – ухмыльнулся в ответ Томор, – которые понимают не хуже меня, что удержание одной только базы не имеет никакого стратегического смысла. Или мы ждем подкреплений, или нас будут атаковать самоубийцы. Подавить мой дивизион чертовски сложно, а я зато могу расстрелять целый десантный легион.

– При условии, что он идет без оперативного прикрытия, – понимающе кивнул Ланкастер.

– Да, конечно. Но где вы такое видели?

– Я, Антал, и не такое видел...

Они выпили, и Томор, вопросительно глянув на командира, потащил из кармана кителя сигару. Ланкастер придвинул поближе к нему чашеобразную пепельницу на длинной деревянной ножке, щелкнул своим портсигаром, сосредоточенно понюхал его содержимое, потом подцепил ногтем длинную черную сигарету.

Томор негромко кашлянул.

– Я хотел бы задать вам один вопрос...

– Да?..

– Мне до сих пор непонятно, как события на Виоле могли просочиться наружу?.. неужели это было сделано намеренно? Честно говоря, мне не всегда понятны резоны командования, выставляющего напоказ наши с вами грязные носки.

– А, это... – махнул рукой Ланкастер, – Там все довольно просто. В штабе местного гарнизона нашлись политически активные люди, хорошо понимавшие, что война когда-нибудь закончится, и надо зарабатывать свои э-ээ, дивиденды. Пока мы носились как очумелые под огнем, совсем, кстати, не представляя, что же нам делать, они пили коньяк и радостно потирали руки.

– Неужели вот так прямо? – едва не оторопел Томор.

– Бывает и хуже. Они ведь и предполагать не могли, что вся эта возня с общественным обвинением станет для нас поистине благословением божьим – прикроет нас от настоящего скандала, до которого, поверьте, оставалось очень немного. Мы действовали так потому, что у нас не было другого выхода. Но виноваты в этом люди из верхних эшелонов, совершенно просравшие оперативные планы эсис.

– Значит, эсис там все-таки были? Я приблизительно так и думал.

– Да, они там были. Но мы не знали где, а на разведку уже не было времени, нас выбросили на третий день мятежа, многие города к тому времени полностью перешли под власть вождей мятежников, там резали семьи наших чиновников и комиссаров, да вообще всех не местных, даже врачей... в гарнизоне абсолютно не понимали, с чем именно они имеют дело – в общем, там было просрано все, что только можно. Главную ошибку допустили на самом верху, в стратегических службах. Тамошние умники поняли: очередной «вариант просачивания» произойдет на одном из Айоранских миров. Но они были убеждены, что это будет Рогнар!

– Да с чего вдруг? – совершенно изумился Томор. – Рогнар с нами чуть ли не тысячу лет, там никто и не думает отделять себя от остального человечества!

– Верно. Случайно открытый Трайтеллар всерьез не воспринимался, эсис о нем просто не знали. А Рогнар выбрали потому, что к нему проще подобраться – я имею в виду, технически. Система хорошо завалена всякими мелкими телами, наблюдать за ней очень сложно, масс-детекторы не в состоянии отследить перемещение небольшого корабля, тем более, вы, наверное, слышали, что в системах их скауты идут в коконе холодной плазмы, исключаящей стандартный поиск лучами Холла. В итоге рогнарские территориалы стояли буквально на ушах, контрразведка проводила повальные аресты религиозных ортодоксов и обследовала чуть ли не каждый метеорит, упавший на поверхность. Обшаривалось все, вплоть до океанов. А каста «воспитателей» оказалась куда лучше подкована с точки зрения ксенопсихологии. Они побывали на Виоле еще лет за десять до войны – и это мы тоже не заметили, как потом выяснилось. И просчитали они все до мелочей. Религиозный фанатизм большинства населения, наши приходы-уходы, когда триста лет там ни один корабль не появлялся, наша финансовая политика туда же... недовольных там было много, а уж «обращать» эту публику эсис умели, как никто другой – вспомните, сколько тысячелетий они «воспитывали» целых три расы? В итоге полыхнула едва не треть планеты. И остановить их методами убеждения было, поверьте мне на слово, невозможно.

– Но зачем вас вообще бросили туда? Война шла к концу, восстание так или иначе увяло бы само собой.

– А кто в тот момент предполагал, что через одиннадцать месяцев эсис уберутся восwoяси? Вспомните прогнозы: генштаб собирался воевать еще лет пять, не меньше, до полного посинения противника. Вы знаете, как раз в тот период наши генералы от промышленности доложили на самый верх: Конфедерация может драться практически до бесконечности – вся

экономика переведена на военные заказы, ресурсов хватало, и кадровых пока тоже... ну, по крайней мере лет на двадцать точно? Какое уж тут увядание? А создание оперативного форпоста прямо у нас под носом? Тем более, вы все время забываете про политику. Нет, терять Виолу было нельзя, даже на короткое время. Но мы опять оказались не готовы... и, самое главное, не готовы к некоторым новинкам, с которыми раньше не слишком сталкивались. Я воевал с толпой зомби – вы понимаете, что это такое?

– Лучевое воздействие? – захлопал глазами Томор. – Или биохимическое? Но это же так сложно!..

– Все гораздо проще, Антал. Психотехники, разработанные специально для человека с особым складом мышления – специально для среднего жителя Виолы, с детства нафанатизированного до полной потери здравого смысла и привыкшего исполнять чужую волю. Я же сказал, эсис «воспитывали» других несколько тысячелетий. И если они ошиблись в главном – то есть в отношении нас с вами, то в мелочах, поверьте, работали безукоризненно. Вообще каста «воспитателей» даже внешне отличалась от тех недоносков, что сидели в звездолетах. Они умели и работать и воевать не хуже нас. Поэтому остановить толпу мог только инстинкт самосохранения. Он у всех разный... кто-то продолжал стрелять и после того, как я повесил всю его общину, а большинство, поняв, что их ждет, предпочли все-таки сдаться. Одновременно мы нашли и накрыли огнем три опорных пункта «воспитателей», а чуть позже – все их корабли, пытавшиеся удрать с планеты. У меня вообще был четкий приказ никого из спецкоманды живьем не отпускать. Наши маршалы, как вы понимаете, не очень любят, когда их тыкают носом в собственное недоумство. Так что тот скандальчик, который мне все-таки устроили, пришлось очень даже кстати – под него все острые углы сгладились сами собой, и никто ничего не вспомнил. Сейчас, разумеется, выкопать хоть часть правды уже совершенно невозможно. Да и кто, собственно, поверит?

– Главное, она уже никому не нужна, – поддакнул Томор. – Война позади, теперь у нас поголовно все герои, даже чемпионы по художественному бегу вперед задницей, и разбираться в чьих-то «совершенно секретных» ошибках совсем не с руки.

– Не совсем так, контрразведка как раз тщательно анализирует все ошибки и неудачи, но широкой публике до этого, конечно, дела нет. Тем более что эпизод на Виоле – не самый еще интересный. Каста «воспитателей» – любопытнейший феномен, никогда ранее нам не встречавшийся. Профессиональные боги, понимаете? Тысячелетиями повелевающие и наострившиеся в этом деле не хуже, чем мы, к примеру – в искусстве дезинформации. Всякий раз, когда инициатива находилась на нашей стороне, мы достигали полнейшей внезапности. Почему? А потому что они свято верили: ну не могут какие-то «молодые» так изощренно маскировать свои истинные намерения. Если куда-то идет большой флот, значит, именно там нас и будут атаковать. Если строят базу, значит, будет очередной ключевой пункт обороны. А в итоге, когда целые армии попадали в ловушки и изничтожались чуть ли не до последнего бойца, они искренне недоумевали: ну как же так, ведь мы же видели...

– Или манера атаковать старые планеты с многоэшелонной обороной и воинственным да плюс крайне обозленным населением – ну, долетят до поверхности процентов двадцать десантников, и дальше что? – полковник с удовольствием пронаблюдал, как Ланкастер, не слезая со стола, вновь наполняет бокалы и тихонько цыкнул зубом. – Потом за ними чуть ли не бабушки с фамильными бластерами бегают – когда территориалы прилетают, спасать уже некого. А они, бедные, жалуются – что ж это вы, гады такие, мы вам истину принесли, а вы в нас палите из чего ни попадя. У меня на Ламине в огневой зоне батареи две капсулы плюхнулись, прозевали мы их. Пока я собрал людей, местные жители всех до единого перестреляли: там городок был в горах, тысяч на пятьдесят, не больше, так вот охоту они устроили первосортную – даже деды двухсотлетние повыскакивали, и все поголовно с оружием. Эти-то идиоты прямо возле ратуши хлопнулись: специально, наверное. Они, как потом говорили, даже разбежаться не успели – а

куда ты разбежишься, когда весь город смотрел, как они садятся и спешил скорее в кладовки из излучателями. Ясное дело, где еще так поохотишься? Ратушу, правда, спалили, но кого это волновало? Мэр потом орден получил...

– Посмертно? – скривился Ланкастер.

– Нет, чего, живьем. Мы когда примчались, он там честь мне отдавал, анекдот ходячий – левой рукой, зато с жуткой древней пушкой на шее.

– Да, наша испытанная политика – поощрять вооружение населения, часто приносит свои плоды. Трудно воспитывать расу, у которой даже старухи держат излучатель, а младенцы могут подавать магазины. Ладно, Антал, – генерал скользнул глазами по хронометру и протянул комдиву ладонь: – теперь я уверен, что мы с вами отлично сработаемся. Кстати: раза три в неделю я устраиваю обеды со своим штабом – считайте, что вы в его составе. Это приказ.

– Слушаюсь! – сдвинул брови Томор. – Разрешите идти?

– Давайте... если у меня появятся новые соображения, я вас тотчас же вызову.

Ланкастер посмотрел, как за спиной командира усиления закрылась дверь, и потянулся к селектору:

– Барталана и Лемфордера ко мне. Полковник Рауф еще не прибыл?..

2.

Плоский стереоэкран занимал целую стену его кабинета. Сейчас на чуть фосфоресцирующей поверхности висело четкое, казавшееся неестественно ярким изображение – широкая долина реки, по берегам которой теснились сотни похожих строений с круглыми крышами, покрытыми чем-то вроде черепицы. На узеньких, мощеных камнем улочках можно было разглядеть крохотные фигурки людей.

– Интересно, сколько тут населения? – почесался Ланкастер. – Никаких данных, хоть стреляйся. Наши предшественники даже этого, элементарного, и то не сделали.

– Это уже наш снимок? – с любопытством вытянул шею начопер полковник Лемфордер.

– Это еще их, – вздохнул генерал. – Я для сравнения. Наши, в сущности, пока не намного лучше – сейчас надо разобраться, что нам, собственно, смотреть. Представляешь, геологи не имеют планов разведмаршрутов даже на следующую неделю.

– Как это?

– Говорят, опираются на спутниковую информацию... просто шаманство какое-то! Правда, лично я с ними еще не общался, но первое впечатленье у меня самое поносное. Непонятно, почему они вообще не могут использовать для разведки орбитальную группировку? Зачем нужно лазить по этим горам, чтоб они все провалились? В общем, дурдом полнейший. Наведем мы здесь порядок, как же! С другой стороны, – Ланкастер поднялся из кресла, прошел мимо распахнутого окна и остановился перед экраном, – других вариантов у нас не предусмотрено. Что делать будем, господа офицеры?

– Просто охранять не получится, – скривился Барталан. – Если загнать в горы целый дивизион... проблематично. Люди не поймут.

– Понять-то они, может, и поймут, – фыркнул Ланкастер, – но толку с того? Нужно бороться с проблемой, а не с ее следствием. Руки у меня развязаны, никакая политика утешения мне карьеры не испортит: полномочия... Но не вешать же всех подряд? Вот если бы четко отслеживать, кто именно, из какого клана напал на очередную партию – а потом уже утешить, тогда да, хм-м. Но как? Постоянно снимать весь континент?

– Нереально, – ответил Барталан. – Техники не хватит. Можем постоянно снимать один азимут относительно той или иной исследовательской группы и рассчитывать на везение. И то я гарантирую луч не длиннее трех тысяч километров с раствором в пятнадцать градусов.

– А если этот луч крутить? Какую частоту ты сможешь мне дать?

– Относительно фокуса? Об этом я не думал... можно попробовать, но мне нужно пару суток, чтобы я успел поэкспериментировать с настройками. Теоретически, такое возможно. Орбитер ставится в точку, и начинаем крутить – да, попробовать стоит. Только там все равно облачность, а в разломах холлиметр не работает.

– Попробуй масс-детекторы.

– А на что мне их настраивать? И потом, где гарантия, что они не свихнутся от этих самых руд? Они ж тут едва не на поверхности!

Ланкастер звонко щелкнул пальцами, что означало некоторую степень раздражения.

– На каком дерьме приходится работать, а?

– Не в дерьме дело, – возразил Лемфордер, – а условия такие. Была б равнина – ну какие проблемы? А с таким рельефом... хочешь плачь, хочешь, смейся.

– Это, как известно, к Моне, – рассеянно улыбнулся в ответ генерал. – Ну, хорошо. Сейчас я покажу вам один матерьялец, доставшийся по отчету от наших героических предшественников. Интересная картинка, вот увидите.

Сперва на экране возникла величественная горная вершина, укрытая, словно колпаком, искрящимся снегом. Ниже, среди черных провалов и изломов каменной кручи, снега почти не было. Через несколько секунд записывающая головка опустилась, наконец, вниз, и стало видно небольшое каменистое плато: снег лежал редкими сероватыми проплешинами, кое-где виднелись пятна растительности.

– Это запись со шлема командира взвода охраны, – пояснил Ланкастер. – Видите, он стоит на возвышенности... любитесь.

Генерал провел в воздухе рукой, изменяя фокус обработки, плато приблизилось. На краю его, почти повиснув над пропастью, громоздилась неряшливая туша стотонного атмосферного носителя, который доставил геологам технику. Сами ученые, сбившись в кучу, копошились возле уже установленного комбибура, широко раскинувшего во все стороны многосуставчатые лапы опор. Поодаль виднелись три временных пенных модуля, на круглых крышах был снег – очевидно, их установили заранее, и они уже успели почувствовать на себе ледяное дыхание гор.

– А где охрана? – удивился Барталан. – В засаде, что ли?

– Сейчас он покрутит башкой, – ответил Ланкастер. – Вот, смотри.

Дверь кабинета снова взвыла. Генерал удовлетворенно хмыкнул, коснулся сенсора открытия и улыбнулся:

– Это Рауф...

Лемфордер дернул плечом и поскреб в ухе, всем своим видом давая понять, что прибытие начальника штаба его никак не касается. В кабинете тем временем появился невысокий мужчина в кожаной куртке с полковничьими погонами. Его лицо выглядело неприятно-хищным: узкое, с сильным загаром, тонкие морщинки от уголков рта к подбородку делали его еще злее. Из-под черных чуть вьющихся волос, неряшливо падавших на лоб, смотрели темные блестящие глаза.

– Я опоздал, командир, – без всякого выражения произнес вошедший.

– Садись, – отозвался Ланкастер. – Сейчас будет чудеса...

Замершая было картинка ожила. Офицер, со шлема которого велась запись, осторожно двинулся вниз по склону, и в это момент люди возле бура неестественно заметались, пытаясь отбежать в сторону носителя – и они падали на бегу, один за другим, быстро окрашивая снег в красное. Офицер скачками бросился вниз, изображение задергалось, становясь трудным для глаза. Плато принялось дергаться, как на горизонтальном маятнике – смотревшие с трудом различали уже группу солдат, полосующих голубоватыми молниями склон ближайшей горы, – как вдруг все – и снег, и черный паук комбибура, и черные же тела, раскоряченные в алых пятнах, все кувыркнулось вверх, а на экране поплыли низкие серые облака.

– Убит? – поинтересовался Рауф.

– Насколько я помню, не летален, – Ланкастер выключил запись. – Вот так. Там было три трупа. Гражданских!

– М-мерзость, – комментировал увиденное Барталан. – Оцепления нет. Командир бродит, грибы собирает. Наблюдения с воздуха нет. Случись беда – эвакуироваться на чем? На грузовике? Пока он поднимется, пока дойдет до базы, там все окочурятся.

– Все так, – вздохнул Виктор. – Есть еще кое-что: долго не могли понять, откуда эти додики появляются.

– Кэк это? – изумился Лемфордер.

– А вот тэк, – в тон ему ответил командир. – Не могли понять! Причем, в сущности, не новобранцы тут служили. Да, простые егеря, но ведь и они кой-какие засады видывали. Вот не могли понять, и все. Потом, когда в двадцатый раз обшарили местность вокруг одной из таких вот походных баз, нашли щель. Совсем рядом, но без сканера не заметишь. Мимо пройдешь – не увидишь. Харкнешь туда – хрен поймешь, что это. Н-да: решили лезть... а она переходит в лабиринт пещер, все глубже и глубже, и тянется просто в бесконечность! Все эти горы изрыты миллионами ходов. Масса естественных каверн, соединенная лазами и норами – все это вырыто многими поколениями. В те еще времена, когда они тут от драконов прятались. Там, внизу – все, что хочешь: вода, относительное тепло даже без огня, грибы, слизни съедобные, еще и рыба в озерах водится. Одна умная голова из штаба наших предшественников высказала мысль, что в некоторых местах торчат дозорные, которые чувствуют бурю на огромных расстояниях. И не только чувствуют, а четко определяют азимут. Потом собирается диверсионная группа – сутки, может двое, на дорогу – и пожалуйте.

– Диверсионная, – саркастически повторил Рауф. – Наблюдение с воздуха они организовать пытались?

– Пытались. Катер был сбит. Точнее, поврежден.

– Чем?! Пулей?

– Ох, Рафаэль, если бы пулей! Имперским излучателем. Документы читал?

– Читал, – помрачнел начштаба.

– А ты читал, что они вырезали имперский дивизион не целиком? Что большинство женщин увели с собой в горы? И пользоваться оружием, соответственно их научили... я сразу подумал, что в дивизион они проникли не просто так. Не было в те времена такого разложения, чтобы банда зверюг с самопалами могла запросто войти в периметр и покрошить почти тысячу бойцов.

– Там темная история.

– Темная, не спорю. Но в результате арсенал у них – бож-же мой. Какое-то количество выстрелов, они, разумеется, за эти столетия потратили, какие-то стволы пришли в негодность, но боеприпасов им достались тонны, а стволов – тысячи. Они вообще, кажется, берегли все это барахло на черный день. Нас ждали. Вот результат. «Беркут» подожжен и еле доплелся до базы: висел он невысоко, и по нему отработали из какой-то носимой зенитной системы. После этого никакие атмосферные машины над лагерем уже не вывешивали. Кому охота? Холлметры, повторяю, на таком рельефе почти бесполезны. Да, они дают обработку, а толку? Ни один вычислитель не отличит глубокую расщелину от входа в лабиринт. Расщелина может, опять-таки, изгибаться, и вход – там, внизу, под тоннами и тоннами породы. А кругом суперсплит – под поверхностью! – да плюс трансураниевые трубы. Картинка просто плющится. Для того, чтобы отработать все возмущения и дать ясную графику, нужен, наверное, корабельный мозг!

– Договориться с ними пытались? Я имею в виду не тогда, а – сейчас. Пытались?

– Ох-х... и пытались и, кажется, пытаются. Я пока не в курсе, но думаю, что все бессмысленно. У них не совсем человеческое мышление. Аналогов нет. Анализ любой агрессии начинается с поиска мотивирующих факторов. Которые, в свою очередь, находятся всегда. Ну, вы сами все знаете. Здесь факторы просто отсутствуют. Случай нетипичной ксенофобии. В

общем, сейчас так, джентльмены: время пока есть. Немного, но есть. Подумайте как следует. Послезавтра общий обед – жду... а ты, Раф, останься.

3.

– Я стал грешить дурной логикой, – произнес Ланкастер, вытаскивая непечатую бутылку рома.

Рауф вопросительно поднял бровь и чуть скривился.

– А может, – продолжил генерал, ставя на стол тарелочку с тонко нарезанными фруктами, – у меня прорезалась мания преследования. Делиться ею с Монею мне чего-то неохота...

Рафаэль Рауф ждал – он хорошо знал своего командира.

Ланкастер тем временем ловко сорвал с бутылки крышку, разлил ром по широким стаканам и присел на край стола.

– Ты смотрел кадровые списки персонала? – спросил он наконец.

– Проглядывал, – разлепил тонкие губы начштаба.

– Вот я думаю – кто?

– Ты все-таки...

– Слишком упорно, – Ланкастер поднял свой стакан, – слишком упорно меня зовут в политику.

– Но ведь не чужие, – возразил Рауф.

– А там не бывает своих. Ты слишком долго служишь, Раф. Я-то знаю, чем я им интересен. Конечно, никто и никогда не выдвинет меня на публичный пост! даже деревенским депутатом... но интриги, Раф! Кто-то же должен в этом разбираться.

– Это что-то новенькое, – полковник остался невозмутим.

– Извлять меня в говнище, чтобы в армии от меня просто шарахались. Довести до депрессии. И тут же предложить интересную, нужную, и совершенно невидимую работенку.

– Тебя? До депрессии? Вы льстите себе, господин генерал. Скромнее, скромнее...

– Да что ты видел, кроме службы, Раф? Что?

– Не спорю, таких друзей, как у тебя, я сроду не имел. Но дураком себя не ощущаю.

– О, сколь мы щепетильны в вопросах чести! Хорошо, поехали по варианту два. Где-то – где-то на краю у света затевается очередная «акция». Но не сегодня. Может, завтра. Может, через год. А мы слишком долго торчали в базах, наели жирок, привыкли ходить на службу напрямик из теплой женой постели... зверствовать разучились в корень. Да еще и стресс какой перенесли со всеми этими судами! Так тебе лучше?

– Лучше. По крайней мере, проще. Я, знаешь ли, привык, – самое простое объяснение часто бывает самым близким к истинному.

– Поэтому ты скоро станешь генералом.

Начштаба равнодушно пожал плечами. Он видел, что командир «на взводе» – и, конечно, вовсе не из-за проблемы с непослушными аборигенами. В глубине души Рауф и сам понимал, что назначение «Мастерфокса» на эту дурацкую планету выглядит небезупречно. Но, во-первых, он знал, что в больших штабах логика и не ночевала – атмосфера там, знаете ли, не располагает, а во-вторых, он предпочитал не забивать себе голову... взрывообразное состояние Ланкастера начальник штаба не одобрял. К чему изводить себя ожиданием жути? Завтра тебе снесут башку, а послезавтра ты уже будешь лежать в уютном гробике под черно-золотым флагом, и друзья встанут в почетном карауле: привычно. Желательно сделать дело так, чтобы голова осталась на законном месте, это да-а... но ждать, представляя себя в ящике?

Рауф умел просчитать едва ли не любую ситуацию из тех, что преподносила им судьба, но сейчас он считать ничего не хотел. И – точка! Одно дело вслушиваться в собственную интуицию, по тысяче раз прокручивать карты в поиске вероятного направления удара противника,

и совсем другое – ломать голову о холодные лабиринты политики, в которых постепенно запутывался его легион-генерал Ланкастер...

– А теперь третий вариант. Самый, с твоей точки зрения, глупый. Н-но!.. Попробуй-ка сообрази, кому нужна эта несчастная планета? Только без банальностей насчет того, что она нужна человечеству. Человечеству она нужна как лишняя дырка в заднице. Времена абстрактного гуманизма ушли навсегда – хватит, научили нас.

– Флоту. Это в первую очередь. Это оперативная база...

– ... в неудобном для Флота месте. Эх ты, навигатор! Отсюда противно выходить – с трех азимутов постоянные трехплоскостные вихри, корабль тратит энергию не столько на разгон, сколько на борьбу с гравитационными возмущениями. Дальше, мой полковник. Забудьте, что на вас мундир – так или иначе, в старости вас ждет цивильная жизнь. Выборы и агитаторы. Окружные судьи, с которыми вы будете пить мескаль по вечерам. Шерифы, зовущие вашу милость на воспитательный вечер для несознательных юношей. Итак – дальше!

– Дальше промышленникам. Неглубокий сплит стоит любых инвестиций.

– А каким промышленникам? Сырьевым баронам! Эта публика не остановится ни перед чем. Но причем здесь мы? Флоту Альдарен нужен как заштатная база присутствия – по логике, и сидеть тут должны не десантники, а спешенная флотская бригада охранения. Ну, проблемы, скажешь ты. Все равно не повод. Значит, кто-то, стоящий очень высоко – я имею в виду, в информационном плане, просит отправить сюда почти секретный легион, чтобы навести полный и окончательный порядок. Особенно в свете отмены абстрактного гуманизма. А также полного отмирания гуманизма оперативного. Все логично! Нас взяли и подложили под кого-то. Обидно – а где мои денежки? Задаток-то дайте, суки!

– Ну, – согласился Рауф. – Так чем ты еще не доволен?

– Все не так, – вздохнул Ланкастер, наливая себе еще рому. – Тут какой-то сложный конфликт. Знать бы, кто из персонала...

– Да кто – что? – едва не взорвался начштаба.

– Кто есть кто... и еще: этот дивизион усиления. Все, опять-таки, логично: развернут противодесантный дивизион, так положено. То есть раньше не было положено, а теперь вот решили привести ситуацию к штатному расписанию. Все не так! – заорал генерал и врезал кулаком по столешнице. – Это пусть они Моне Чечелю глазки замазывают – а мне не надо! Какой д-дурак будет гнать на базу присутствия отдельный дивизион, укомплектованный сплошными ветеранами, да по штатам военного времени, да вооруженный новейшей техникой! Это когда на старых мирах не хватает «стреляющих» операторов, а системы через раз довоенные. Командир, конечно, ничего не знает. Он – что? – он песик. У него послужной список сияет, как Скала Славы. Ему скажут: служи – он служит. Велят блох вычесывать, так вылизет. Скажут «фас» – будет стрелять... что с такого возьмешь? Он не фигура... а мы? А если один «господин икс» ставит сюда нас, а другой – «игрек», кидает дивизион. Я, дескать, тоже не с дуба падал! Это – что? Это тоже инвестиции. Скрытые, Раф, скрытые... чем все это закончится?

– Повышением. Тебе-то что? Ты один черт в науку вернешься. Дадут еще один крест в погон, станешь начальником кафедры...

– Если бы. Ох, и не хочешь же ты думать, Раф... все, вон с глаз моих долой. Послезавтра – оперативные планы по наведению порядка. И учти – ученые могут сорваться в экспедицию, когда им в голову стукнет. Ты не забывай, не мы тут хозяева.

«И не заставишь, – мрачно вздохнул Ланкастер. – Вот не заставишь его думать, хоть плачь. Зачем ему, собственно? Его дело – оперативные планы составлять, что он всю дорогу и делал. А мне – н-да, со мной дело похуже. И все-таки, кому ж это я так сильно понадобился?»

Глава 3.

1.

Он поглядел на хронометр: по логике, рабочий день у ученых закончился, сейчас они собираются в клубе-казино. Что ж, пора. Хотя кто вообще знает, каков у них этот самый рабочий день? Накинув на плечи куртку – снаружи уже холодало, – Виктор вышел из кабинета.

По совести говоря, вид типового штабного барака осточертел ему много лет назад. Мечталось об уютных корпусах какого-нибудь старого военного университета, меж которых бесшумные жуки-уборщики неумолимо посыпают песком вдоль чисто выметенных дорожек, а после утреннего развода можно спокойно шествовать в полутемный кабинет, свалив первые лекции на молодого коллегу. Совсем, кажется, недавно, и сам он был молодым доктором, сочетающим преподавание с наукой, но... о небо, как давно все это было! Война казалась теперь вечностью, а чужое небо, которому уже не удивляешься – не судьбой даже, а, – данностью. Словно так было всегда.

Но...

Но когда-то семнадцатилетний лейтенант, только что выпустившийся из престижнейшей академии, более всего мечтал, как и положено всем юным, о славе, что виделась ему завоеванной в первом же бою, – и не был разочарован, оказавшись в элитном, насквозь пропахшем традициями легионе. А через месяц, не успели еще примяться ремни снаряжения, легион был отправлен в зону малоизвестного, отнюдь не добавившего ему славы, конфликта. Зачем он нужен был политикам Конфедерации, не понимал никто. Равно как непонятна была и причина, заставившая два клана корварцев обнажить мечи друг против друга. Людей эта война не касалась вообще никак, и сперва все решили, что задача ограничится лишь демонстрацией дружественного присутствия. А потом все стало плохо. Совсем. Прославленный легион погиб: из числа выживших можно было собрать от силы дивизион.

Лишь один взвод не только выполнил свою задачу, до самого конца прикрывая уходящих, но и вернулся почти без потерь – это был взвод лейтенанта Ланкастера, который, перепрыгнув через чин, стал теперь капитаном...

В лицо ударил порыв ветра, и генерал поежился – короткая волна памяти отступила назад, потерялась в желтом предзакатном небе. Далеко на севере, не приближаясь к опасному для них силовому куполу базы, плыли две изломанные черные тени: кошмарные воздушные охотники готовились к вечерней трапезе. Ланкастер представил себе, что чувствует сейчас дежурный расчет зенитной батареи, непрерывно ощупывающий небо, и не удержался от короткого смешка. Интересно, там еще не спятили в приступе охотничьего азарта?

Мягко прогудела, а потом чмокнула за спиной тяжелая дверь барака-казино. Пройдя через холл – в горшках росли нелепые среди желтого пластика цветы, – Ланкастер вошел в бар. Начальник экспедиции, легко узнаваемый по первому же снимку, был уже здесь. Генерал приветливо улыбнулся и шагнул к стойке.

– О, рад приветствовать, – Скотт приподнялся с табурета и протянул пухлую короткопалую ладонь. На его лысине, обрамленной бахромой рыжеватых волос, заиграли блики: прямо над стойкой висел длинный плафон со множеством разноцветных ламп. – Господин командир легиона охраны?

– Виктор Ланкастер. – Вблизи фигура ученого казалась совсем уж комичной: и как такой хомяк может скакать по горам?..

– Что будете пить, господин генерал?

Виктор помедлил с ответом, осматриваясь по сторонам. Кроме главного по науке в баре находились двое мужчин, резво передвигающих фигуры на шахматной доске, да молодая женщина с неопрятно-короткой стрижкой, забившаяся в угол под пыльную пальму в кадке.

Кадка тоже была стандартно-армейской.

На миг Ланкастеру стало до тошноты неинтересно.

– Виски, пожалуйста, – вздохнул он, демонстрируя усталость. – «Белый демон»... во-он, я вижу. Двойную, пожалуйста.

Бармен, пегий, взлохмаченный и опухший, ошарашено моргнул и потянул с полки запыленную бутылку дорогого напитка. С учетом доставки его стоимость поднималась к звездам, но для Ланкастера это обстоятельство было последним.

– Запишите на мой счет, – приказал он бармену, прочитав в глазах доктора Скотта вспышку отчаяния.

– У вас недурной вкус, – проворчал тот. – Мы здесь привыкли обходиться более прозаичными вещами. Полевая обстановка, знаете ли.

«Я тебе устрою обстановку, – подумал Виктор, не без удивления наблюдая за непрерывно шевелящимися пальцами ученого.

– Когда возвращаешься из этих проклятых снегов, – продолжал Скотт, – о качестве пойла уже не задумываешься. Хочется лишь, чтобы покрепче. Я вот вам завидую: вы этого безобразия и не увидите...

– Отчего же? – хмыкнул Виктор.

– Ну, – Скотт, похоже, удивился, – вам-то зачем? Да и не положено генералу!

– Это смотря какому. Я привык все контролировать самостоятельно. Даже такие мелочи... отвечать за них мне, а не моим сержантам, верно? И за каждого погибшего с меня сдерут как следует, не сомневайтесь. Так что порядки, простите, немного поменяются.

– Вот как? И что же вы намерены предпринять? Ваши предшественники, знаете ли, испробовали все мыслимые способы. Но результаты остались прежними. Все мы, подписывая этот контракт, прекрасно отдавали себе отчет в том, что отсюда можно не вернуться. Но за страх идет отдельная плата.

– То есть вы боитесь, что если страх исчезнет, то компания сократит ваши гонорары? – рассмеялся Ланкастер.

– А... нет, я так не думаю, – растерянно просвистел доктор. – Конечно, я готов к любым вашим мерам, чтобы... но дело в том, что интересы программы стоят у нас на первом месте, и если вы начнете ограничивать нас, то я...

– Разумеется, я не вправе ограничивать вас в работе по программе! Мне всего лишь хочется, чтобы вы согласовывали свои действия с моим штабом, а лучше – со мной лично. Маршруты, если это возможно, указывать заранее. Мой опыт говорит, что хорошая разведка местности способна сэкономить много жизней. Я должен представлять себе, куда вы отправитесь в следующий раз, понимаете? Поэтому мне необходимо дня три – всякий раз, когда ваша экспедиция выбирается на новый маршрут.

Скотт хмуро повертел в пальцах свой стаканчик.

– Мы ведь постоянно ведем внешнюю разведку. Иногда маршруты составляются буквально в последнюю минуту. Я, как руководитель программы, имею определенные приоритеты, и если робот докладывает о том, что нашел, скажем, новый выход сплита, то мы бросаем все наши трансурановые трубы и мчимся в указанную им точку.

– Я понимаю вас, – вздохнул Ланкастер. – Ну, что ж... все же я хотел бы надеяться, что нам удастся договориться.

– Я тоже надеюсь, – Скотт, как показалось Виктору, вздохнул с явным облегчением. – Может, отметим наш уговор? Вы что-то все не пьете?..

– Ах, да, – спохватился генерал. – Ваша удача, дорогой доктор.

Отравляя в рот глоток виски, он неожиданно почувствовал на себе обжигающий неприязню взгляд девицы под пальмой. На миг Ланкастер поежился – столько откровенной ненависти было в глубоких темных глазах девушки.

– Кстати, а кто это? – тихонько поинтересовался он, сделав незаметный жест в сторону незнакомки. – Из ваших?

– К счастью, нет, – кривя губы, так же тихо ответил Скотт. – Это, ваша милость, достопочтеннейшая Эрика Бонго, полевой офицер Комиссии по контактам. Боюсь, с ней у вас будут серьезные проблемы.

– Хм-м?

– Она ксенопсихолог. Ее задача – изучать наших, так сказать, оппонентов. Ну, вы меня поняли... беда в том, что у нее собственный, причем весьма своеобразный, взгляд на проблему. Мэм Эрика считает, что несчастные дикари милы и обаятельны, а вот мы с вами – как один хамы, садисты и конкистадоры. Так что готовьтесь, скоро она изложит вам все это лично. Предупреждаю сразу – спорить с ней бесполезно.

– Я просто не пушу ее в кабинет.

– Она представитель правительственной организации высокого ранга.

– Я тоже, доктор. Только я и сам в немалом ранге.

Скотт восхищенно развел руками, при этом в его глазах мелькнуло затаенное злорадство.

– Будем считать, что вы меня уели. И все же – поберегитесь...

От беседы с руководителем экспедиции у Ланкастера осталось двойственное ощущение. Скотт не пытался понравиться и в то же время не становился в откровенную позу. Похоже, легион, стоявший здесь до «Мастерфокса», никак его не трогал. Охрана сама по себе, экспедиция, – соответственно. Отсюда и мертвецы. Видимо, прежний командир считал, что нервы ему куда дороже возможного разноса по итогам дежурства. Виктора подобный разнос также не волновал, но у него был совершенно иной подход к делу. Война научила его: стоит дать слабину в мелочи, как завтра рухнут плотины. Сейчас он распустит людей наплевательским отношением к охране этих, будь они неладны, научных, а завтра, в серьезной миссии, лягут целые дивизионы.

А вот госпожа Бонго вызывала легкое раздражение. В войну ее ведомство играло роль вспомогательного подразделения контрразведки, и он не помнил ни одного случая, что бы коллеги Эрики нормально исполнили хоть что-нибудь. Они лезли в каждую дырку, многозначительно намекая на свой могучий многолетний опыт, и благополучно проваливали все, за что брались. Эсис орудовали у них под носом, а офицеры Комиссии браво докладывали наверх о патриотическом подъеме обитателей Айоранских миров. Война закончилась – но привычка всюду совать свой нос осталась. И апломб «больших ученых», несомненно, тоже. Выход у Виктора был один – не обращать внимания, чтобы ни случилось.

– И черт с тобой, – процедил он, открывая дверь своего кабинета.

2.

– Любой первичный анализ показал бы одно и то же: – Лемфордер поковырялся в ухе и воздел невинный взгляд к потолку, – наше назначение – классический случай оперативно-штабной паранойи. Здесь должен стоять специальный охранный легион, оснащенный специальной же техникой, а не ударное подразделение, не умеющее даже прыгать по горам.

– Ну, насчет «не умеющего» кто-то загнул, – равнодушно вставил Рауф.

Лемфордер окинул его скептическим взглядом и продолжил:

– Самым разумным было бы создание силового купола над каждой из временных баз, но для нас это невозможно чисто технически. У нас нет соответствующих источников питания. Геологи уже пытались таскать с собой мобильные эмиттеры, но – во-первых, купол может быть

устойчивым только на относительно ровном месте, а во-вторых, все знают, сколько они жрут, эти сволочи. Носиться по горам с портативным химическим реактором удовольствия мало, а безопасных гравитационных у них нет и не будет – компания предпочла сэкономить. Я уже навел справки: говорят, их сейчас мало и они слишком дороги.

– Суки, – отозвался начштаба. – На складах этого добра осталось – мама моя!..

– Давайте по делу, – раздраженно вмешался Ланкастер. – Что ты придумал?

– Да ничего оригинального... пока, по крайней мере. Если дело происходит на хоть сколько-нибудь ровном плато, тащим с собой эмиттеры и сжигаем батареи катера. Если кругом скалы и прочие каменюки – разведка местности, замаскированные стрелковые позиции в узловых точках, перекрестный прострел всей, так сказать, диспозиции, и постоянное внимание. Вообще, конечно, я хотел бы сам посмотреть на все это безобразие. Хотя бы пару раз – уже будет легче.

– Да, – вздохнул Ланкастер, – охранять нас действительно не учили, а готовые методики в нашей обстановке не тянут. Я, правда, о них особо и не думаю. Мы ведь охотники, э, парни?

– Веселая охота, – хмыкнул Барталан. – Больно зверь дурноват.

– В меня, – добавил Чечель, – никогда еще не лупили из имперского стационара... а вы знаете, что на таком морозе лучевое ранение в голову – ужаснейшая гадость?

– Спасибо за консультацию, – Ланкастер оценил его юмор коротким подзатыльником. – Прекратите балаган, а то я прикажу Шнеерсону месяц кормить вас манной кашей. И пусть кто-нибудь попробует украсть тушенку!

– Командир, – вздохнул Рауф, – да ведь их уже как только не травили. Я два дня отчеты читал. Не получается с этой сволочью воевать. Они расползаются по пещерам, как тараканы, и драться, выходит, не с кем.

– А ты собрался с ними драться?

Голос Ланкастера стал зловещим, и в штабе разом стихла вся возня. Он возвышался над оперативным столом, прямой, как копьё, медленно обводя взглядом своих офицеров – казалось, то двигается спаренная орудийная башня древнего броненосца.

– Или, может быть, кто-то думает договориться? Так этот путь тоже испробовали – те, что погибли здесь полтыщи лет назад. Никто не пробовал их к а р а т ь!

Рауф деловито потер ладони, отчего сразу стал похож на большую, лохматую и мрачную муху, зачем-то натянувшую мундир офицера Конфедерации.

– Но карать мы будем предметно, и это – задача, достойная «Мастерфокса», – теперь на губах командира появилась усмешка. – Будет наказан каждый, поднявший руку на человека Большого Мира. Каждый! И только тогда, когда это дойдет до последнего младенца, вопрос Присоединения будет решен раз и навсегда. Иначе не получится ничего. Мы дождемся очередного нападения – ясно ведь, что нашим друзьям совершенно наплевать, кто встал перед ними: они как лезли, так и будут лезть, – а потом, потом мы начнем поиск и травлю. Это будет славная травля! Мы покажем этой бородатой сволочи, с кем они теперь имеют дело. Мы найдем всех тех, кто надумает поразвлечься с геологами, – и накажем. Сперва только их... Но для начала выберем в дозор лучших стрелков и выясним, кто быстрее: мы или они. Если удастся с ходу перестрелять всю банду – прекрасно, пока остановимся на этом варианте.

– Если же нет... – Рафаэль Рауф счастливо облизнулся. – Хм, это будет уникальная операция. Надерем задницы славным предкам!

– Жаль только, что об этом, как всегда, никто не узнает, – с сарказмом повел плечами Чечель. – Вся наша слава, дорогой Раф, достанется штабным козлам.

– Утремся, – равнодушно парировал Ланкастер. – Я смотрю, Моня, у тебя прорезался комплекс Наполеона? Ты же сам сказал: как всегда... для меня лично гораздо важнее вопрос самоуважения. Итак: если нам повезет, и Скотт представит маршрут хотя бы за день до вылета, мы вполне успеем подготовиться. Состав дозора должен быть готов сегодня же. Людей опове-

стить, но особо не нервировать. Для работы в горах нужна акклиматизация, так что ты, Ари, погоняешь всю команду где-нибудь сверху, где холоднее. Полное снаряжение и двойной энергозапас. Боекомплект тоже двойной.

– Орбитер уже готов, – доложил Барталан. – Группа обработки тоже. Я развернул полный оперативный центр, специалисты проинструктированы, техника проверена. Все что будет возможно, мы увидим.

– Отлично! И... вот еще что, – взгляд Ланкастера уперся в начальника оперативного отдела, – никаких документов пока не готовить. Потом... задним числом. Контролировать нас тут некому. Пока все. Старший по разработке – подполковник Ариэль Барталан. Доклад сегодня вечером. Господина старшего штабного повара – ко мне.

3.

Господин старший штабной повар, майор Джо Шнеерсон, исполнял также обязанности начальника продовольственной службы легиона. Шнеерсон выслужился из рядовых и выше подняться не мог по определению, но это его не слишком волновало. Трое его сыновей владели на Авроре сетью ресторанов, и Джо давно уже пора было на пенсию, однако покинуть армию он не мог: в гражданской жизни все выглядело слишком ясным и определенным – здесь же, в «почти секретном» легионе каждое новое утро могло принести удивительные приключения. Для Шнеерсона это было наркотиком: на груди его мундира висели несколько орденов, а правый рукав украшали три ленточки ранений. Излучателем он владел ничуть не хуже, чем ножом и сотейником.

Вкусы командира майор Шнеерсон знал наизусть, и давно уже научился определять его настроение по заказу на ужин. Сегодня генерал Ланкастер потребовал свинину, протушеную в острейшем кассанданском соусе «шем», и аврорский красный салат. Значит, командир находится в процессе обдумывания очередной каверзы, и жгучее кушанье должно обострить его и без того изошренный ум. Господин старший штабной повар очень уважал своего командира. В некоторых случаях он только наблюдал за тем, как его сержанты готовят для старших офицеров, сейчас же Джо взялся за дело сам. Ему было ясно: начинается...

...«Едва лишь был выбит первый эшелон нападавших, исход войны стал ясен для всех нас. Потеряв относительно подготовленные кадры, противник не мог более рассчитывать на достижение своих оперативных целей – виной тому были и расстояния, не позволявшие эффективно снабжать непрерывно бросаемые в бой подразделения, и хаос, воцарившийся в умах его стратегического командования, и, безусловно, мобилизация экономики Конфедерации, о чем уже шла речь выше. Тем большей неожиданностью стало возникновение новых театров военных действий – они появились фактически в тылу...

Айоранские миры, столетиями воспринимаемые как неотъемлемая часть Человечества, вдруг вспыхнули целым рядом необъяснимых, как сперва казалось, мятежей. Подобное не могло быть воспринято иначе, как предательство, и мятежи были жестко подавлены. Слишком поспешно, как выяснилось – но тогда мы этого не знали. Многочисленные просчеты, обусловленные благодушием и самоуспокоенностью ряда чинов контрразведки, стоили впоследствии большой крови. Всего этого можно было избежать, но в данный момент анализ ошибок не является задачей автора – о них речь пойдет ниже. Сейчас следует говорить о причинах, вызвавших к жизни эти бессмысленные и бесполезные акты – итак, что же должно было произойти, чтобы жители ряда миров, давно уже вошедших в большую человеческую семью, однажды отринули расовые ценности, встав на сторону совершенно чуждого им по крови врага?

Косвенной причиной случившегося явились культурные и, в первую очередь, религиозные традиции, оставшиеся неизменными со времен Изоляции. Давняя имперская политика,

проникнутая абстрактным гуманизмом, сыграла злую шутку с потомками тех, кто вводил вновь открытые человеческие миры в единую морально-этическую и культурную систему, называемую сегодня Большим Человечеством. Деструктивные тенденции, всегда наблюдавшиеся среди религиозных авторитетов Айоранских миров, попросту не замечались. Тогда, столетия назад, это объяснялось уважением к автохтонным культурам и нежеланием применять насилие. Принято было считать, что, ознакомившись с имперским «образом жизни», туземцы примут его как должное, и процесс пройдет легко и безболезненно. Казалось, требуется только время – быть может, два-три поколения.

Подобный взгляд был колоссальной ошибкой.

Имперский «гуманизм» не раз оборачивался кровью. Теперь лить кровь пришлось нам, такова была плата за грехи отцов. Не желая замечать откровенную дикость, объявляя ее отголосками автохтонных культур, уже наши администраторы посеяли драконьи зубы, взошедшие мечами. Традиционные для Айоранских миров верования, в корне отличающиеся от привычных нам религиозных систем, базировались не на вере в некий, зачастую абстрактный объект, а на знании. Им не приходило в голову искать богов. Они просто помнили – боги б ы л и, боги привели их в этот чуждый мир, и могущество богов б ы л о неизмеримым. Раз так, вся теология является лишь перечнем обрядов, отнюдь не подразумевающая построения тех или иных этических систем.

То есть развитие религий шло по пути, совершенно отличному от земного.

Влияние религий на общество оказывалось столь же своеобразным. В большинстве устойчивых социосистем, встретившихся нам на этих мирах, власть светская либо отсутствовала вовсе, либо же – на Рогнаре, к примеру, фактически играла роль вспомогательной ветви власти религиозной. Еще одним удивительным моментом, на который мало кто обращал внимание, являлось почти полное отсутствие внутренних войн за все тысячелетия изолированного развития. На Рогнаре войны велись, но в основном по религиозным причинам. То же наблюдается и на Трайтелларе, однако последний слишком мало изучен, к тому же судьба этого мира настолько удивительна, что говорить о нем еще рано. Заметим лишь, что по понятным причинам Трайтеллар не мог принимать участия в описываемых конфликтах.

Особняком от прочих отстоял также загадочный Альдарен.»

– Вот именно. – сказал сам себе Виктор, глядя на поднос. Над тарелкой с грудой плавающего в соусе мяса еще вился парок, но он знал, что теперь пора есть. Шнеерсон не меняется, любое горячее блюдо подается прямо с огня, и приходится ждать, сходя с ума от аромата специй и травок. На то и расчет – Джо невероятно тщеславен, прямо балерина, а не офицер, и мысль о том, что человек томится закуской, утопая в пряном волшебстве паров, доставляет ему особое, утонченное удовольствие.

Такие слабости Ланкастер прощал легко.

Так же легко он воспринимал веселое панибратство, давно воцарившееся в его штабе. Большинство этих людей он подбирал сам, вытаскивая их с ротных должностей, и твердо знал, чего можно ждать от каждого из них. Рафаэль Рауф, без сомнения, мог претендовать на звание самого кровожадного аналитика Десанта: любую задачу он решал исключительно в плане нанесения максимального урона противнику, тяготеея при этом к глубоким парализующим ударам. Ариэль Барталан, немного мечтательный начальник разведки, умел выжать хоть какие-то крохи информации даже из голой пустыни. Запом Рауфа Виктор давно уже поставил Мануэля Кертеса, человека удивительно бесшабашного и хитрого. Что бы Мануэль ни устроил, ему все сходило с рук: он служил Рауфу этаким балансиром, немного оттеняющим его мрачность. Великим хитрецом был и ехидный Генри Лемфордер, занимавший должность начальника оперативного отдела.

Эти люди, включая начмеда Мозеса Чечеля, составляли ядро боевой группы, совсем не похожей на привычный штаб большого подразделения. Штаб «Мастерфокса» всегда шел в бой

вместе с командиром, не только планируя, но и осуществляя самые головоломные миссии в боевой карьере легиона. Этим людям Ланкастер верил.

Сейчас, размышляя над грядущим делом, он думал еще и о распределении ролей, – кому что достанется... это было важно.

Он внимательно просмотрел последний абзац и выключил аппарат, чтобы потянуться за вилкой.

Глава 4.

1.

– Около двенадцати часов, – Ланкастер поморщился, – так что придется успеть. Впрочем, лететь туда меньше часа... итак – материалы просмотрим по дороге. Одеваться, людей в машины!

Сам он был уже готов, оставалось только соединить квазиживые разъемы, связывающие шлем и бронекombineзон, превращая их в единый, послушный ему организм. Шлем лежал перед ним на столе. Машинально, не задумываясь над тем, что он делает, генерал проверил наличие второго энергокомплекта – сейчас тот висел в длинном набедренном кармане, – и защелкнул замок петли своего излучателя, уже занявшего привычное ему место под левой рукой. Со стороны взлетной площадки раздался тонкий свист тестируемых двигателей. Виктор еще раз окинул взглядом свой кабинет, сунул в нагрудный карман тонкую пластинку проектора, содержащую информацию о двух точках, в которых собирались завтра бурить геологи, схватил шлем и выскочил в распахнутое окно.

Атмосферный створ мощного четырехместного катера мягко скользнул в сторону, открывая ему вход в полутемное нутро машины. Ланкастер улегся в наклонную капсулу второго пилота и повернул голову, чтобы подмигнуть Моне Чечелю, занимавшему сегодня левое кресло.

- Командир на месте.
- Пилот командира на месте.
- Координатор машины «В» на месте...
- Пилот «В» на месте...
- Координатор «С»...
- Старт, – сказал Ланкастер.

Монина капсула тотчас поплыла, превращаясь в высокое кресло, перед ним вырос рога-тый черный штурвал, едва слышно взвыли моторы, и черная приплюснутая туша, похожая на наконечник стрелы, стремительно сорвалась в небо – уже через секунду, слегка опустив нос, она мчалась на северо-запад.

– Обзор, – приказал Виктор, и перед ним вспыхнула иллюзорная картинка приближающихся гор.

Моня держал машину на высоте в пять километров, отсюда сверкающие белыми шапками вершины казались не столь величественными, как с поверхности, и все же они поражали, завораживали. Горы были всюду, занимая собой почти сто восемьдесят градусов обзорного поля. Ланкастер знал, что этот массив тянется на многие тысячи километров, и что некоторые вершины вздымаются более чем на десять километров. А там, в глубоких разломах долин, текут реки и шумят под ветром густые леса. Крупные хищники в горы не заходят, для них почти непреодолимы заледеневшие тропы перевалов, и потому там, в этих темных для него низинах, – там живут люди.

Да люди ли?

Он усмехнулся. Ну, по крови, да. Они были рождены Землей, как и мы.

А потом – давно, почти восемь тысяч лет тому как, звездная раса Айорс, стоящая перед дверью в Вечность, решила оттянуть неизбежное и вырастить себе союзников. Вроде кактуса в горшке... планы их не сбылись, – они попросту не успели, их главный галактический конкурент – Дэф, сокрушил старых, слишком старых и немногочисленных Айорс, но те все же смогли доставить с Земли немалое количество полудиких homo и даже начать с ними работать.

Точнее, работали с Трайтелларом – на остальные шесть миров, запланированных под «инкубаторы», не хватало уже ресурсов, их просто бросили. Люди смогли выжить далеко не везде. Не выжили бы и здесь – жуткий животный мир весьма странной планеты сжевал бы крохотную популяцию чужаков одним махом, но тех спасли горы. И еще – почему-то сюда, на Альдарен, Айорс доставили самое большое количество одетых в шкуры охотников. Несколько разных племен сразу: Айорс всегда искали для своих подопечных миры с низкой гравитацией. И они смогли выжить... правда, ни о какой техногенной культуре не шло и речи: лишь общее направление, единое для всего рода людского. Когда их нашла старая Империя, дикари все так же охотились с луками и копьями, освоив, правда, примитивную металлургию – руды тут прямо под ногами. Большое Человечество, получив в свое время прощальный дар Айорс, навсегда покинуло Землю и рванулось в небо, его звездолеты уже крушили неизбежных конкурентов в вечной гонке за пространствами, а здесь все было почти так же, как тысячелетия назад.

И не надо нам было сюда лезть, сказал себе Ланкастер. Кабы не сплит... да нет, все равно полезли бы. Как же – братики заблудшие, куда ж им без нас, бедным. «Единое человечество»! Яйца б поотрывать гуманистам хреновым. Сколько тут экспедиций перерезали, аж оторопь берет. Одно время в этих самых горах едва ли не война шла. Как, спрашивается, бородатая публика с дубьем и пиками может сражаться против бластеров, атмосферных катеров и информационных центров? Выходит, может...

И в конце концов, положив в снегах чуть не легион, на них плюнули. Оставили на давно выстроенной базе дивизион охраны и улетели. Да только и дивизион тот прожил недолго. Сумели бородатые преодолеть тысячелетний страх перед равниной. И через силовой купол пройти тоже смогли. Не сами, наверняка, но теперь это не имеет значения. Что показательно, имперские гуманисты их все-таки цивилизовали: со временем у ребят уже и мушкеты появились.

«Ну, ничего, – мрачно подумал Виктор. – С тех пор воды утекло... ой-ой сколько. Сейчас вот и стволы у нас покруче, и сами мы поумнее стали. Не хотите миром, – спалим к черту. Нас уже научили, у нас были прекрасные учителя, они умели лечить сопливость раз и навсегда. Мы долго жили в уютном и комфортабельном мире, мы долго рождали великие идеи – по сто штук в год на душу населения, а потом заплатили за них чуть ли не четвертью этого самого населения. Если ты не можешь победить, ты погибаешь – вот единственная идея, вокруг которой вертится сама Вселенная. Все остальное, увы, просто жалкий треп...»

Он вспомнил отчаяние недавних, кажется, п е р в ы х д н е й, когда не приученные воевать экипажи бросались в бой и гибли, гибли один за другим. А эсис перли, как на параде, раз за разом перемалывая лучшие, прекрасно оснащенные легионы. Это потом уже, когда выжившие получили под свою руку новые, наспех сформированные подразделения, когда они вдруг снова выжили и научились сперва этому – еще не побеждать, но уже выживать, это тогда только все вдруг увидели, что былая слава человечества не пустой звук, и мы еще можем показать, чего стоит наш заржавленный меч. А сначала!.. и куда подевались все прекраснодушные идеалисты? Именно они почему-то менее всех рвались гореть в железных коробках.

За них горели другие... как жаль!

– Цель – минута, – раздался в шлеме голос Чечеля.

Катер неощутимо провалился на пятьсот метров вниз и начал заход. Моня вел машину так, словно под ним действительно была цель, по которой нужно ударить и тотчас же, не ожидая, пока по тебе заработают спящие почему-то зенитные системы, форсажным зигзагом, выматывая нервы до ломоты в костях, уйти вверх и в сторону. Ланкастер потянулся и вырубил обзор – больше он ему не требовался. Вот катер завис на месте, потом Моня сдвинул его несколько левее, заработала опорная тяга, выдерживая машину, пока пилот не выпустит лапы шасси, и наконец, моторы смолкли.

– Створ, – произнес Виктор.

Капсула развернулась и встала почти вертикально. Генерал Ланкастер шагнул в глубокий снег.

Вокруг него выпрыгивали из катеров фигуры в темном снаряжении, которое тут же белело, приспособиваясь к окружающему миру. По орлиным крыльям на шлеме он различил Рауфа, спешащего с обязательным в таких случаях докладом.

– Ох-х... – вздохнул кто-то.

Они находились на крохотной, не более ста метров в поперечнике, относительно ровной площадке. С двух сторон ее окружали пятнистые скалы, с третьейполого уходил вниз сверкающий заснеженный склон, а за спиной у Виктора темнела пропасть.

– Кайтесь, грешники! – утробно заговорил Чечель. – Кайтесь, сучьи дети, ибо истинно реку вам: вам здесь жить. И, возможно, умирать.

– Всем проверить отопление! – приказал Ланкастер и повернулся к Рауфу: – Как думаешь, эмиттер даст здесь купол?

– Сомнительно, – вздохнул начштаба. – Разве что Р-третий, так а что с него толку? Десять метров?

Ланкастер мрачно кивнул и двинул в шлеме подбородком, включая нужный сенсор.

– Бартаман? – позвал он.

От группы десантников тотчас отделилась белая фигура и, утопая в глубоком снегу, бросилась к машине командира.

– Орбитер нас видит?

Начальник разведки – правая часть внутреннего проектора его шлема уже показывала картинку, согласно кивнул и сообщил номер канала.

– Так, – хмыкнул Ланкастер, оставшись доволен увиденным, – подними свою машину и каждую щелочку обшарь сенсорами. Радиус тебе пятьсот метров. Ты, Раф, берешь людей и лезешь во-он туда, на скалу. Там нужно поворошить камни и как следует замаскироваться. С секторами, я полагаю, ты уже определился?

– Проблема только там, – начштаба махнул рукой в сторону обрыва. – По сути, придется брать девяносто градусов сверху... если увидим: я не в состоянии был экстраполировать высоту по картинке. Кто знал, что эти олухи выдадут нам голую плоскость!

– Согласен, – отмахнулся Ланкастер. – Работайте, работайте...

Ему здесь совсем не нравилось. Слишком высоко, а он уже знал, что аборигены редко нападают выше трех тысяч – очевидно, пещеры располагались большей частью в низинах. Скорее всего, вся эта возня без толку. Хотя – когда там был последний эксцесс? Почти месяц назад? Пожалуй, парни уже засиделись. С их-то охотничьими инстинктами этак тронуться можно. Если, конечно, они смогут услышать бур.

– Орбитер, – позвал он, – расстояние до ближайшего населенного пункта?

– По прямой? – уточнил робот.

– Да.

– Двести двадцать три тысячи семьсот метров.

Учитывая высоту... ну нет, за трое суток им никак не успеть, так что данную площадку можно считать условно-безопасной.

– Рафаэль, что у нас дальше?

– Двести к югу, – отозвался с вершины скалы Рауф.

– Заканчивайте определяться, здесь дела не будет. Пускай оболтусы поставят себе эмиттер и ковыряются под куполом: тут все равно никто не появится. Просто не успеют, даже если услышат. Разложи им на десять персон, да и хватит с нас – поехали.

– То есть, отделение? – педантично уточнил начштаба.

– Именно так. По машинам, господа!

Теперь катера скользили вниз. Вторая точка, запланированная Скоттом под очередное бурение, находилась на высоте чуть больше тысячи метров. Переориентированный Барталаном орбитер сместил фокус и сейчас показывал мрачную холмистую равнину: меж многочисленных гранитных валунов там и сям виднелись проплешины серо-зеленого кустарника. Ланкастер куснул губу. Этот пейзаж он уже видел среди материалов, предоставленных Скоттом, но то был плоский снимок геологического робота, не дававший почти никакого представления о рельефе, – сперва ему даже показалось, что вторая база будет стоять среди частогокола скалистых клыков.

«Хорошенькое местечко, – подумал Виктор. – Интересно было бы просчитать коэффициенты распространяемости шума бура в зависимости от почв. Вот только по какой, интересно, методике? И почему в академиях не читают хотя бы основы планетологии? Хотя, впрочем, я же „сапог“, а не инженер...»

– Вторая машина, подготовить подробную обработку рельефа – вплоть до каждой мышинной норы. Рафаэль, тут будет много работы.

– Я думаю, – согласился Рауф. – Может быть, удастся замаскировать стрелков в гнездах между камней? Сделать для них что-то вроде индивидуальной норы, чтоб только камера торчала?

– Где садиться? – влез в разговор Чечель.

– В геометрическом центре, – машинально ответил Ланкастер, занятый обдумыванием предложения начштаба. – Впрочем, – сказал он ему, – здесь, похоже, можно установить эмиттеры.

Моня опустил машину на ковер толстеного серого мха, и Виктор едва не упал, шагнув из створа в мягкую, почему-то заскрипевшую под ним губку.

– Зараза, – сказал он, с любопытством поднимая ногу. – Но не рвется... однако. Моня, мать твою, ты можешь объяснить мне, почему от моих восьмидесяти кило на этом дерьме не остается следов?

– Фактура у него такая, – безразлично пожал могучими из-за брони плечами начмед. – Да и весишь ты сейчас не восемьдесят а по коэффициенту 0,86. Ланкастер махнул рукой и пошел к ближайшему нагромождению бурых, покрытых, как ему казалось, какой-то слизью, валунов. Приблизившись, он понял, что ему казалось в них странным.

Груда камней высотой в два ему роста не была естественным образованием – нет, они лежали по ранжиру, внизу крупные, весом, пожалуй, не в одну тонну, а выше более мелкие и легкие. Из-за коричневатого налета, оказавшегося не слизью, а густым, шерстистым мхом издавдала загадочное строение выглядело почти монолитным. Ланкастер поправил бронеперчатку – так, словно она могла свалиться с его кисти, – и с силой провел пальцем по округлому боку камня. Мох отдираться не желал.

– Остальные – такие же? – спросил он у подошедшего Рауфа.

– Да, – качнул головой начштаба. – Разных размеров, но суть одна и та же. Их кто-то строил, причем довольно давно: может, лет так сто. Может, и больше, на глаз я не скажу.

– Смысл в их расположении есть?

– Я уже думал. Сейчас думает «мозг»: я пока не вижу.

– Что под ними?

– Под ними? – Рауф не понял сказанного.

– Да, – Ланкастер пошел вдоль сооружения и, не пройдя и пяти шагов, ковырнул носком сапога мягкий грунт под ближайшим камнем – странного губчатого мха здесь не было. Влажная земля нехотя сползла вниз, обнажив пустоту. – Смотри, – генерал ткнул пальцем в камень, – он врыт, причем глубоко. Но с этой стороны, кажется, только краем. Что там, внизу?

– Камни навалены поверх нор?

– По краям, как иначе?.. странно, что норы не осыпались. Сколько тут весу? Так... тащите сюда полевой сканер.

Через минуту к ним подбежали двое унтеров и Лемфордер. Проснувшийся Чечель с любопытством ходил вокруг каменного холма, потом попробовал взобраться наверх, но съехал на землю. Не желая сдаваться, он выстрелил автокошку и сейчас, злобно ворча, полз по скользкому мху.

– Сканировать вниз, – приказал Виктор унтеру, держащему в руках небольшой округлый прибор. – Во-он туда. В дырку.

Оператор встал на колени и направил головку сканера в едва заметное, уже почти осыпавшееся углубление.

– Там пустота, – доложил он. – Ширина около метра... входное отверстие то есть. Дальше лежат камни, но все равно опять множественные пустоты. Шахта идет вертикально вниз на глубину в сто семь метров, дальше поворачивает к западу... все, больше я не вижу. Ширина колеблется от метр девять ровно до восемьдесят четыре и два.

– Спасибо, свободен. Ну, джентльмены, какие идеи?

– Это их пресловутая сеть пещер, – заявил Рауф, – что тут еще размусоливать? Придумали ж наши, где сплит искать!

– Он и без тебя здесь, – хмыкнул Виктор, – вопрос не в этом. Зачем прикрыты входы? Зачем их тут так много? Хм-м... если я прав, то это заваленные шахты. Руду отсюда доставали, ясно? Но какая-то шахта так или иначе соединена с сетью, в этом можете не сомневаться. Пустоты служат отличным резонатором: только научники врубят свой бур, как наши друзья начнут вытаскивать дедушкины бластеры.

– Будем ждать? – спросил Рауф.

– Я согласен с твоей идеей насчет стрелков в «стаканах». Возьмите людей, тщательно обследуйте каждую из этих гор и постарайтесь оборудовать по индивидуальной ячейке. Закончишь – доложишь. Моня, в машину.

2.

... Не сбрасывая ног на пол, Ланкастер вылетел из кровати и подскочил к висящему в воздухе виртуальному пульту управления, который натужно стонал сигналом экстренного вызова. Это был Рауф.

– Все, как мы и думали, – горячо выдохнул начштаба. – Полезли из двух дыр.

– У нас?.. – перебил его генерал.

– Рядовой Карпец – летально... по сути, несчастный случай. Они лезли прямо из-под него, а он поздно услышал шум. В общем, башку ему в куски. Чем-то лучевым, как я понял.

– Проклятье!.. а геологи?

– Да эти-то в порядке, не считая шока, с ними сейчас Моня разбирается. Там странно вообще получилось: мы уложили девятерых, но я уверен, что это не все.

– Вы что?!.. рано пальбу открыли? Не дали вылезти?

– Не так, командир. Они не все сразу лезли: как будто сперва разведка, потом уже остальные. Но не все, не все: я почему-то уверен, что не все.

– Привезите мне дохлятину! – рявкнул Ланкастер, смахивая со лба вдруг выступивший пот: в спальне было довольно жарко. – И начальника партии: у него башка в порядке?

– У него да. Там женщины были, с ними беда, в общем-то.

– Эвакуируйте всех, сориентируйте орбитер на постоянный обзор. Картинка записи есть?

– Разумеется...

– Все, бегом сюда.

Виктор посмотрел на часы: была половина шестого. В горах пока еще светает рано, значит они полезли либо на рассвете, либо сразу после. Умно, если не принимать в расчет то, что на этой точке геологи страшно спешат и работают в две смены. Как раз ночная и заканчивала... Ланкастер поскреб левой ногой лодыжку правой, злобно выматерился и потянулся к рубашке, висящей, как обычно, на спинке кресла.

– Я вам покажу, сволочи, – прошипел он и, накинув рубашку на костистые, поросшие густым седым волосом плечи, отправился в санузел.

Низко нагнувшись над раковиной – рост всегда заставлял его проклинать стандартный дизайн, Виктор несколько раз плеснул в лицо ледяной водой, с силой провел ладонью по темному подбородку – затрещало, и, не трогая полотенце, вышел.

– Завтрак! – крикнул он в пустоту.

С подбородка капала вода.

Через четверть часа он уже стоял, поправляя на шее скользкий шелковый шарф, и смотрел, как из приплюснутого черного катера вышвыривали, словно мешки с дерьмом, наскоро завернутые в светлый пластик тела. После девятого свертка на площадку выпрыгнул взъерошенный Чечель, шлем болтался у него на поясе. Ланкастер подошел к ближайшему трупу и откинул край савана носком сверкающего сапога. На него смотрело густо заросшее черной бородой скуластое лицо. Веки мертвеца были распахнуты, в узких серых глазах застыло изумление. Грудь разворотило выстрелом; в левой руке абориген сжимал нечто вроде клевца, грубо откованного из бронзы. Ланкастер пошел дальше, по очереди сбрасывая пластик с убитых. На третьем он остановился и оскалился. К широченному кожаному поясу, украшенному серебряными пластинами, воин прицепил позеленевший от древности имперский подсумок с четырьмя магазинами. Ланкастер наклонился, отомкнул застежку и вытащил короткую черную трубку.

– Ага, – удовлетворенно сказал он. – Без осечек, братцы, вам не обойтись... Моня! Где его оружие?

Подошедший Рауф – он прилетел во второй машине, махнул рукой:

– Это что... вот, сейчас: этого мы вместе с пушкой завернули.

Он быстро прошелся вдоль ряда мертвецов и, наклонившись, сбросил пластик с мужчины огромного, больше двух метров, роста: рядом с ним лежала какая-то темная труба с прикладом, длиной тому чуть не до плеча. Рауф поднял неведомое оружие и вернулся к командиру.

– Стреляет эта пакость рубленным свинцом, – сообщил начштаба. – Причем один раз он выпалить успел... мое счастье, что заряжать ее долго. Смотрите...

Рауф повернулся спиной, и Ланкастер с изумлением увидел несколько царапин на его наплечнике.

– Это с какой дистанции? – очумело поинтересовался он.

– Да метров с двадцати, – ухмыльнулся начальник штаба. – А что удивляться: я думаю, сюда пороху пол-кило уходит. Я, по крайней мере, летел вверх ногами.

– С коэффициентом 0,86 это не вопрос, – отрешенно заметил Чечель, глядя на мертвецов. – Гравитация, ваше здорovie.

Ланкастер перехватил самопал из рук Рауфа и едва не согнулся от неожиданной тяжести.

– Жуть, – согласился он, заглядывая в ствол. – Можно драконов дубасить... Зато замок – хм, да, фитиль. Странно, я слышал, они уже до кремня додумались. Хотя, с другой стороны, эта пушка и смотрится древней. И литье на редкость дерьмовое, удивительно, что ее до сих пор не разорвало.

Снаружи ствол громадного ружья и впрямь выглядел очень грубо, – металл изобиловал мелкими раковинами, в которых чернела вековая грязь. Изнутри, наоборот, он был гладок и порядком закопчен. Ружьем пользовались, причем регулярно, не слишком утруждаясь его чистить. Ланкастер с любопытством оглядел примитивный фитильный замок, топорно выко-

ванный спусковой рычаг, защищенный ржавой скобой, и швырнул оружие в ноги его мертвому владельцу.

– Что у них было... серьезное? – спросил он, в упор глядя на Рауфа.

Начштаба по пояс всунулся в створ катера и, пошарив в кабине, извлек два излучателя. Прошедшие столетия не слишком изменили их грозный облик, очевидно, оружие хранили либо в консервационных футлярах, либо в каком-то особо сухом и проветриваемом месте. Немногие металлические детали обоих армейских «Марлинов» не имели следов ржавчины, а матовый черный пластик мог пережить тысячелетия. Взяв в руки короткий двухствольник с выдвижным прикладом, Ланкастер поднял и внимательно осмотрел прицел, явно не использовавшийся аборигенами. К его немалому изумлению, в рамке послушно затеплился зеленый огонек, а секундой позже, очнувшись от многовековой спячки, ожил процессор, выдавший хоть и тускловатую, но вполне приемлемую картинку: в батарее все еще оставалась энергия! Сухо щелкнув язычком стопора, Виктор поймал выпавшую в ладонь обойму.

– А с боеприпасами, – хмыкнул он, рассматривая ее содержимое, – у нас дела плохи... могу вас поздравить, господа: через испаритель не пройдет и половина выстрелов.

– А что с ними будет? – осторожно спросил Чечель. – Заклинит? Там ведь, кажется, какая-то механика?..

– Мекатроника, – поправил Ланкастер. – Ничего там, к черту, не заклинит. Знаток, мне, оружия! Выстрел сгорит, но энергии не даст, просто плевков. Сигарету вот прикурить можно будет. То есть при стрельбе очередями реальная скорострельность падает примерно вдвое. При одиночных – и так понятно. Ну ладно, с этим пока ничего нового: стандартное дерьмо рядового состава со складов имперского дивизиона. Что еще интересного?

– Ничего, – ответил Рауф. – Тяжелого, зенитного – ничего. У меня вообще такое ощущение, будто это какие-то любители. Прежние повеселее бывали.

– Почему ты уверен, что вылезли не все? – резко спросил генерал. – Логика?

– Девятеро – раз... – начал Рауф. – Слишком мало, чтобы перестрелять всю геологическую банду и справиться с охраной, пусть они и привыкли, что охрана спит. Оружие – два. Двое с излучателями, а где остальные? Хорошо, по характеру вооружения разведгруппы я делаю вывод о низкой подготовленности отряда в целом, но все равно их слишком мало. Мало, командир! И вообще – я чувствую.

– Это не доказательство, – перебил его Ланкастер. – Но... пусть так. Если ты прав, то дело наше худо. Моня, приберитесь тут и через полчаса все ко мне на совещание. Будем мозгов промыватушки...

– Дежурный адъютант, – приказал он, войдя в свой кабинет.

На пороге почти тотчас возник громоздкого вида лейтенант с кое-как пришпиленным аксельбантом под правым погоном мятого, явно мало ношеного повседневного кителя. В «Мастерфоксе» молодые офицеры обычно надевали либо полевое, либо кожаную «полигонку», бродить в кителях им было просто некогда.

– Лично обнаружить цель в виде начальника геологической группы доктора Скотта, – распорядился Ланкастер и полез в ящик стола за куревом, – и лично передать мое особое приглашение на военный совет. Начало через полчаса.

– Слушаюсь! – сипло ответил адъютант и, вращая глазами, ускакал чуть позади грохота ботфорт.

Виктор присел на край стола и, достав из кармана зажигалку в виде небольшого древнего револьвера, стал раскуривать длинную сигару с золотым колечком, на котором красовалась гордая эмблема десантных сил Конфедерации. Сигара была пайковой, правда, генеральской. Вони такой чин ей не убавлял...

– Хреново, мои котятки, – прошептал он, глядя в окно. – Ну ничего, ничего. У рыжей лисички есть ушки... на макушке, мать вашу.

Повернувшись к висящему в воздухе пульта, генерал набрал какой-то короткий код. На стене засветилась многоцветная карта континента. Шустро дергая пальцами, Ланкастер вывел нужный ему район. Теперь перед ним развернулись заселенные аборигенами горы. Некоторое время Виктор внимательно всматривался в зеленые провалы долин, потом снова сузил поиск.

– Здесь, – промычал он, разглядывая желтые и коричневые квадратики двух поселений, расположенных в полусотне километров друг от друга, по краям широкой долины, в глубине которой синело вытянутое озеро. – Вот здесь, наверное...

Штаб явился за минуту до срока. Вслед за офицерами тащился доктор Скотт, лоснящаяся физиономия которого имела несколько нервных красных пятен. Ланкастер уже успел проветрить кабинет и развернуть оперативный стол, без которого не проходило ни одно совещание.

– Присаживайтесь, доктор, – радушно предложил он. – Где хотите, собственно... сегодня у вас без потерь. Не так ли? Расстройство я, правда, в счет не вношу, вы уж меня простите.

– Сказать по совести, дорогой генерал, это просто чудо, – промямлил Скотт. – Я уже говорил с людьми... да, я с ними говорил! Уму не постижимо, как могло так случиться, что негодяи полезли из грунта, да-да, из грунта – внутри силового купола! Все в таком ужасе, вы себе просто не представляете! Э-ээ, я хотел сказать, что действия ваших солдат выглядят настоящим подвигом. Теперь я понимаю, почему сюда направили именно вас.

– В ужасе? – вежливо переспросил Ланкастер, тотчас метнув в сторону Мони короткий взгляд, – Чечель едва заметно пожал плечами и отвернулся, не желая принимать претензии на свой счет. – Но ведь никто, как я понял, не пострадал?

– Стараниями ваших доблестных стрелков, – вздохнул Скотт. – Но ведь люди внутри купола чувствовали себя в полной безопасности. Эмиттер нормально работал, местность прекрасно просматривалась на несколько километров – что, как вы понимаете, в наших условиях большая редкость, и тут вдруг – изнутри! Изнутри, дорогой генерал!

– Абсолютную безопасность не гарантирует вам даже начальник Генерального Штаба. – усмехнулся Ланкастер, теряя слащавость тона. – Но об этом мы с вами поговорим чуть позже. Я хотел, чтобы вы присутствовали на нашем небольшом совете, доктор.

– Да-а?

– Да-да, как вы говорите. Ваше присутствие необходимо для выработки общей – то есть нашей с вами совместной, – стратегии. Без вас и вашего согласия ни о какой безопасности не может идти речи. Позавчера я разговаривал с вашим заместителем доктором Кепеником, и он сообщил мне, что ваши работодатели спустили вам новый график изысканий. Теперь, по его словам, вам придется высылать три, а то и четыре группы одновременно.

– Да, это так, – согласился Скотт. – Он рассказывал мне о беседе с вами – собственно, именно поэтому я и не стал доводить до вас новые распоряжения. Кепеник, как я понял, объяснил вам все достаточно ясно. У вас возникают какие-то трудности с обеспечением нашей безопасности?

– Какие трудности? – фыркнул Ланкастер. – У меня полный легион, так что людей хватит на десять ваших партий, работающих хоть в двадцати местах одновременно. Дело все в том, что в данный момент я занят обдумыванием принципиально новой концепции безопасности... хм. И мне хотелось бы, чтобы вы также приняли участие в этой разработке.

– Ну, я человек невоенный, – подбоченился Скотт. – Чем я смогу быть полезен вам, известному тактику и аналитику?

Ланкастер пропустил неуклюжий комплимент мимо ушей – Скотта он уже не слушал.

– Бартаман, – вкрадчиво начал он, глядя на начальника разведки, – почему тебе не пришло в голову раскрутить орбитер так, чтобы каждым третьим витком он смотрел, что делается в окрестных деревнях? Или ты опять заявишь мне, что это невозможно? Я привлеку тебя за саботаж...

– Возможно, – охотно согласился подполковник. – И обвинение в отсутствии инициативы на поле боя я отрицать не собираюсь. Но у меня был совершенно четкий приказ: вести постоянное наблюдение за строго определенным участком местности... я уже в трибунале?

– Ах, не утруждайтесь продолжать, ваша милость, – зашипел Ланкастер. – Я тебе потом все выскажу. От тебя, честно говоря, не ожидал... х-мм.

– Вы, командир, вечно молчите до последнего, – нерешительно кашлянул Кертес. – А потом начинается.

– Вот я вам и рассказываю! Я хотел бы знать, из какой именно деревни пришли эти люди. Из каких именно домов.

– Из какого именно клана, – неожиданно вмешался Скотт. – Вы это хотели сказать? Мне не совсем понятен ваш замысел, генерал. Вы хотите точно знать, к какому именно клану принадлежат эти разбойники? И для этого вы установили орбитальное наблюдение?

Ланкастер повернулся к ученому и несколько секунд смотрел на него с откровенным удивлением.

– Так кто из нас аналитик? – спросил он. – Суть моей игры, дорогой доктор, в том, что я не собираюсь наказывать кого попало. Подобная тактика не только развращает моих солдат, она просто бесполезна. Изначально я собирался полностью уничтожить все группы, нападающие на ваших людей. Сегодня это не удалось. Будем надеяться, удастся завтра.

– Но вы же убили... всех?

– Уничтожены только те девять лиц, которые появились на поверхности. Мой начальник штаба убежден, что основная часть данной группировки благополучно ретировалась по сети древних туннелей. Учитывая расстояние, отделяющее площадку от ближайшего населенного пункта, их возвращения домой следует ожидать не раньше завтрашнего вечера. Они пришли на третьи сутки после включения бура, не так ли? Я уверен, что где-то под землей аборигены имеют нечто вроде опорно-наблюдательных пунктов, в которых постоянно дежурят «слухачи», быстро засекающие работу буров и дающие сигнал к атаке.

Скотт потер подбородок, размышляя.

– Ваш предшественник не утруждал себя такими сложными разработками, – признался он. – Нас просто охраняли, и все.

– Мой предшественник, скажем прямо, мало интересовался службой. Его ждало повышение и тихая должность в уютном гарнизоне. А мы здесь, – Ланкастер небрежно махнул рукой, указывая на своих офицеров, – привыкли воевать по-настоящему. Вы ведь сами все знаете, не так ли? В наших наградных листах никогда, ни единого раза не указывали истинную причину представления. Так что о такой ерунде, как чины и кресты, мы думать просто не умеем. Но если мы беремся за дело, – он воздел к потолку палец, – то мы его, как правило, делаем. А сейчас нам придется делать его вместе с вами.

– Я польщен, – почти искренне захлопал ресницами ученый. – И все, что я смогу, – вы понимаете... да-да.

– Значит, приступим, – кивнул Ланкастер.

На стене вновь вспыхнула карта.

3.

– Кадет Ланкастер.

– Я, господин генерал...

Начальник курса уинг-генерал Марселлас, седоватый мужчина с сильно выдающимся вперед подбородком, остановился посреди коридора и, чуть приподняв голову, внимательно посмотрел на высокого черноволосого юношу, вытянувшегося перед ним по стойке «смирно». Несколько секунд Марселлас молчал, словно размышляя о чем-то.

– Идемте со мной... в кабинет.

Марселлас всегда выглядел задумчивым и несколько рассеянным, преображаясь лишь на лекциях по спецтактике, которые вел у двух старших потоков Академии. На кафедре он, казалось, метал молнии, стоило же лекции подойти к концу, как генерал тотчас погружался в привычное всем полусонное состояние, часто даже забывая реагировать на приветствия кадетов или встреченных в коридоре коллег-преподавателей.

В его кабинете Ланкастер побывал лишь раз, во время наряда по штабному корпусу – Марселлас вызвал дежурного, чтобы тот принес ему какие-то ничего не значащие распечатки из хозчасти, которые начкурса запросто мог бы затребовать по внутренней сети. Недоумевая, Виктор выполнил распоряжение и вернулся в дежурку, сочтя происшедшее очередной выходкой хрестоматийно забывчивого профессора. Сейчас он шел рядом с ним по нескончаемым коридорам второго этажа учебного корпуса, размышляя, на кой ляд мог вдруг понадобиться старому чудаку.

Марселлас открыл дверь своего кабинета, прошагал к огромному письменному столу и нервным движением распахнул верхний ящик. Ланкастер с изумлением увидел в его руке гнутую флягу, из которой слабо пахнуло коньяком.

– Садитесь, кадет, – приказал генерал.

Виктор осторожно опустился в продавленное кожаное кресло и стал ждать продолжения. Марселлас тем временем развернул над столом виртуальный экран, вызвал на него какой-то текст и около минуты глядел в него, шевеля время от времени губами.

– Да, так вот, – неожиданно проговорил он, поднимая голову, – я прочитал вашу работу.

– Вы имеете в виду... – удивился Виктор, вспоминая курсовой доклад трехмесячной давности – более свежих сочинений за ним не водилось.

– Да. За декабрь месяц, – подтвердил Марселлас и достал откуда-то огромную черную трубку. – Обычно я только просматриваю подобные доклады, да и то, выборочно, но вас, Ланкастер, я взял на заметку довольно давно. Вы не раз демонстрировали неординарный подход ко всем вопросам, которые традиционно ставятся перед кадетами нашей Академии. Нет, я имею в виду не только тесты, конечно. Здесь ваши результаты не вызывали у меня никакого беспокойства. Я говорю о рефератах, докладах... вы помните свое сочинение о Бифортском завоевании?

– Разумеется, ваша милость, – Виктор напрягся. Это был шестой курс, слишком давно. Что я там наворотил? Нет, не помню, хоть ты убей меня. – Но это... это ведь всего лишь подростковый взгляд на события...

– Ну, кадет, вы и сейчас отнюдь не старец.

– Да, ваша милость.

Худые, странно волосатые пальцы Марселласа ловко набили трубку крупно порезанным, желтоватым табаком, щелкнула зажигалка. Генерал смешно пошевелил носом.

– Вы гуманист, Ланкастер.

– Господин генерал?..

– Я не хочу сказать, что вам нечего делать в войсках, отнюдь нет. Но ваш подход к решению весьма банальных тактических вопросов, обозначенный в данной работе, – струя дыма пронзила иллюзорный монитор, – меня удивил. Признаться, меня уже давно не удивляли мои собственные кадеты. Ваша убежденность... н-да, вот: вы, получается, глубоко убеждены, что при постановке той или иной задачи должны учитываться возможные потери личного состава. Сейчас, по вашему, они всего лишь «принимаются во внимание». Далее, вы заявляете, что любая грядущая война будет, как и прежде, войной высокотехнологичной, и жизнь каждого подготовленного солдата может стоить гораздо больше, чем некая сиюминутная выгода от решения незначительной задачи, в ходе которого этот солдат будет потерян. Здесь же вы добав-

ляете, что никакой штабной компьютер не в состоянии рассчитать все вероятностные факторы, могущие повлиять на выполнение той самой задачи.

– Это так, господин генерал, – неуверенно кашлянул Виктор. – Пренебрежение жизнью солдата – я оперирую, разумеется, совершенно абстрактной боевой единицей, не делая особой разницы между полковником и ефрейтором, – во-первых, разлагающе аморально, а во-вторых, элементарно невыгодно с точки зрения математики. Это сугубо прикладная задача, здесь не нужны никакие компьютеры. Самый поверхностный анализ показывает, что многие из известных сражений были проиграны исключительно по причине падения боевого духа. Хомо неохотно идет на верную смерть, это азы расовой психологии. С другой стороны, любой солдат, уверенный в том, что его не бросят в огонь просто так, а всегда оставят ему значительные шансы на спасение, сражается не в пример лучше. И, самое главное, изобретательнее. И еще – высокий уровень расходования войск едва не привел к краху Империи в первый же год Великой Войны. Заметьте, израсходованы были именно кадровые, наиболее подготовленные войска.

– Ваш отец – достаточно известный ученый, а мать считают перспективным общественным политиком, – вдруг перебил его Марселлас.

От неожиданности Виктор дернул щекой.

– Отец – всего лишь преподаватель скромного колониального университета, – сказал он, мучительно пытаясь понять, при чем тут его семья. – А мама скорее общественный деятель, чем политик.

– Зато ваш дядя, полковник Бочкин, личность весьма своеобразная, – продолжал генерал, словно не обращая внимания на слова Виктора. – Он принимал участие в вашем воспитании?

– В некоторой степени, ваша милость... у дяди бизнес на плантациях, и я часто гостил у него. На каникулах, в основном.

– Я предполагал нечто в этом роде. Видите ли, Ланкастер, я тоже убежден, что следующая война снова будет войной с малоизвестным, весьма технократичным противником. Вероятно, превосходящим нас количественно. Я, скажем так, это чувствую. Не могу сказать, что я полностью разделяю ваши взгляды на индивидуальную подготовку строевого офицера – по крайней мере, я совершенно не понимаю, как реализовать ваш тезис о «педагогической харизме командира», – но, тем не менее, я считаю, что вы должны иметь некоторые преимущества при распределении. Обычных строевиков у нас миллионы, а вот людей думающих, увы...

Ланкастер ощутил, как от ужаса у него холодеют ноги.

– Вы оставите меня в Академии? – вырвалось у него.

– За каким чертом я должен гробить вам карьеру? – удивился Марселлас. – Идите, кадет. Если вас не искромсают вышестоящие начальники, к тридцати вы получите лампасы. Идите – вас ждет то, чего вы достойны. И не забывайте – думать, думать... раз уж у вас это так хорошо выходит.

Виктор неловко поднялся, отдал честь и шагнул к двери.

– Продолжайте оставаться гуманистом, – вдруг произнес Марселлас.

И идиотски хохотнул ему в спину.

Глава 5.

1.

Рауф так и знал, что они полезут именно из этой самой щели. Метрах в трехстах от площадки, представлявшей собой относительно ровный треугольник посреди дикого нагромождения замшелых серо-зеленых скал, была еще одна дырка, но уж больно неудобно она выглядела, – слишком заметна, просто отверстие в скале, ее и обнаружили сразу же, при первом облете. Рауф отнюдь не считал, что имеет дело с идиотами. Он и катер замаскировал так, словно ждал врага, оснащенного целым арсеналом прицельно– наблюдательной техники. Откуда ни смотри, катер был всего лишь безобидным зеленым холмом, поросшим отвратительно колючим, жестким, как проволока, местным кустарником. Взлететь, разумеется, он мог в любую секунду.

Пятерка дозорных, расставленных в самых нелепых точках периметра, усердно изображала дегенератов. Солдаты рылись в земле, подражая свиньям на трюфельной охоте, швыряли в рычащий и трясущийся бур разнообразные булжники и демонстративно прикладывались к полевым флягам.

И так двое суток.

Геологи работали посменно. Бур, сложная семидесятитонная конструкция, уходил все глубже и глубже, почти постоянно подавая на поверхность образцы пробиваемых им пластов. Ночами площадку освещали огромные белые прожекторы, поднятые на легких решетчатых опорах. Рауф не сомневался, что они погаснут в первые же секунды нападения. Многократно проинструктированные геологи шутили, что наступившая тьма будет командой на бег в укрытие.

В три часа пополудни наблюдатель, неотрывно глядящий на большой плоский валун, что врос в грунт за скалой к югу от площадки, сообщил, что в щели под ним появились двое людей.

– Ричфилд и Кински, – произнес в лежащий перед ним шлем Рауф, – походите взад-вперед и ложитесь на грунт. Вы спите... только не одновременно

Через минуту улегся, подложив под голову кусок породы, дозорный северной стороны. Чуть позже, отбросив в сторону окурков, свернулся под кустом юго-восточный. Наблюдатель, зарывшийся в камни на почти плоской вершине скалы, осторожно пошевелил крохотным хвостиком видеоголовки.

– Один высунулся, – доложил он. – Наверное, ему плохо видно.

– Ага, – отозвался Рауф.

«Как всегда, на рассвете, – решил он, ворочая затекшей шеей, – как всегда. Хоть бы что-нибудь новенькое придумали. Хотя, впрочем... у них нередко получалось и так.»

Разведчики исчезли в норе.

Рафаэль Рауф достал из-под панели томик Йонга и в сотый, пожалуй, раз подумал, если бы не сложные измышления шефа, он просто заложил бы в туннель хорошенькую вакуумную мину да и завалил бы всех гостей к чертям собачьим. Но шеф считал, что вслед за исчезнувшей группой неизбежно придут сородичи покойников. А вот они-то, по его мнению, должны увидеть трупы... Рауф не всегда мог понять, чего именно добивается его обожаемый командир. Правда, раз за разом получалось так, что все сложнокрученные замыслы приносят успех. Иногда уж вовсе непостижимый...

– Пятеро! – вдруг взвыл наблюдатель. – Еще трое! Еще трое! Еще пятеро! Еще...

«Вот черт, – успел подумать Рауф, прежде чем его пальцы машинально метнулись к сенсору общей тревоги.

На площадке не произошло почти ничего. Дозорные все так же тупо спали или пялились в бездонный звездный шатер над головой, бур по-прежнему урчал, пара геологов, стоя возле приемника-анализатора, разглядывала слабо светящийся зеленоватый экран, на котором отображались неведомые Рауфу параметры пластов. Задергался лишь дежурный оператор, сидевший в прозрачной кабинке на высоте трех метров над землей. Он нервно распахнул выпуклую пластикетовую дверцу и сбросил вниз легкую составную лесенку. Один из геологов поднял голову и что-то сказал ему. Кивнув в ответ, оператор принялся спускаться – демонстративно неторопливо, как очень уставший человек...

– Пятьдесят четыре, – выдохнул наблюдатель. – Все. Больше там никого нет, по крайней мере у меня в визире.

– Ничего себе, – кровожадно обрадовался Рауф. – Какая честь на мои седые яйца! Ребята, не спешите стрелять. Дайте им подойти... дайте им расстрелять фонарики...

В скалах, тщательно замаскированные, ждали атаки семнадцать стрелков и четыре офицера. Рауф распахнул атмосферный створ катера – закрепленный на нем дерн со слоем мха остался на месте, – и выскользнул в ночной холод. Сейчас он мог видеть все в двух проекциях: и изображение с орбитера, и картинку, передаваемую ему дежурным наблюдателем. Начштаба выбрал последнее.

Темные фигуры, все как один в коротких меховых куртках и мешковатых штанах, заправленных в мягкие сапожки, пригибаясь, бежали к краю площадки. К краю светового поля... Рауф знал, что сейчас они откроют огонь по прожекторам. Скорее всего – так, по крайней мере, он думал – для этого они используют свои мушкеты, не желая тратить бесценные имперские унитары на незащищенные цели. Сколько у них лазеров, понять было невозможно, – за спиной у каждого горца был приторочен длинный, то ли кожаный, то ли полотняный, сверток, который мог оказаться и мушкетом, и чехлом «Марлина». Зенитной техники, видимо, у этой команды не было. То ли не было вообще у их клана, то ли они не собирались атаковать атмосферные носители.

Едва покинув катер, полковник скользнул в темноту. Боевой комбинезон сразу же почернел, превращая его в невидимку. Пробегая мимо лежащего на земле капрала Ричфилда, изображавшего, согласно приказу, спящего, Рауф махнул тому рукой – внимание, и капрал едва заметно пошевелился, давая знать, что увидел и понял.

Начштаба присел на колено, всматриваясь в едва заметные – они умело прятались за камнями, – фигурки и вдруг ощутил хорошо знакомый холодок.

– Огонь! – хотел приказать он, но не успел: из горла вырвалось лишь запоздалое бульканье.

Двое – всего лишь двое, тысяча чертей! – вдруг сорвали с себя свои «свертки» и, не останавливаясь, выстрелили. То были не мушкеты. Две голубые молнии старинных имперских излучателей расплосовали тьму. Не веря своим глазам, Рауф увидел, как дернулись и рухнули два геолога. Тогда он заорал, что есть мочи.

Скалы вспыхнули, замелькали искорками белесых огоньков. Не успевшие еще добежать до площадки аборигены повалились один за другим, через несколько секунд уже все они лежали в лужах крови, некоторые еще сучили в агонии ногами, один – попытавшийся приподняться – свалился, наполовину разрубленный последним выстрелом.

– База, – обессилено позвал начальник штаба. – Командира.

– Ланкастер, – ударил ему в уши хорошо знакомый голос: сна в нем не было.

– У нас ситуация «ноль», – удивляясь собственному безразличию, доложил Рауф. – Два трупа – геологи.

Командир легиона шумно вздохнул.

– Они повели себя совсем не так, как мы предполагали. Они... начали атаку с ходу, не пытаясь убрать свет. И на большой дистанции. Все было слишком неожиданно.

– Сворачивайтесь и ко мне, – коротко приказал генерал.

... На рабочем столе Ланкастера стояла здоровенная бутылка пайкового рому и тарелочка с мелко нарезанной ветчиной. Вваливающиеся в кабинет офицеры – еще возбужденные, еще пахнущие мхом и холодом, недоуменно захлопали глазами. Сам генерал, сидевший в огромном транскресле, выглядел постаревшим на лет пять. Света было немного, лишь тусклый зеленый плафон у него за спиной, и им казалось, что узкое лицо Ланкастера изрезано глубокими темными морщинами.

– Я никого ни в чем не обвиняю, – тихо произнес он. – Это было нападение...

У Рауфа задергалась щека. Он первым понял, что имел в виду командир. Такое открытие выглядело для него ужасающе неправдоподобным, но спорить сейчас было нелепо...

– Пока вы летели, я три раза просмотрел материал, записанный орбитером. Надеюсь, вы обратили внимание на состав коллекции экзотического оружия, которую привезли с собой?

Ариэль Барталан посмотрел на Лемфордера и увидел, как у того полезли на затылок брови.

Мушкетов было всего семь. Все остальное – разнообразный имперский хлам. В работоспособном, впрочем, состоянии... и впечатляющий запас боеприпасов – так, словно аборигены собирались вести долгий бой, отдавая себе отчет в огневом превосходстве противника.

– Вот-вот, – Впервые за все время Ланкастер пошевелился, меняя позу. – Берите посуду, – вздохнул он. – Там вон, в шкафу. Похоже, нам есть о чем поговорить.

Рауф махнул рукой – командир штурмовой роты капитан Волверстон встал с дивана и распахнул дверцу стенового шкафа. Ланкастер молча ждал, пока он наполнит широкие низкие стаканы.

– Они не собирались никого захватывать. И это не был традиционный тревожащий набег без особых целей, как они это обычно практикуют: прибежали, постреляли, смылись. Самая большая группа, упоминаемая в отчете наших предшественников, состояла из двадцати девяти человек. Этой группе удалось сбить катер: причем, согласно отчета, четыре рыла тащили зенитную систему. В собранном виде, гм... итак, на нас напали. Я хотел бы знать: почему?

– Потому что они перестали бояться, – вдруг выпалил Барталан.

Генерал резко повернулся в его сторону и несколько секунд сверлил начальника разведки немигающим кошачьим взглядом.

– Почему они перестали бояться? – как эхо, спросил он.

– М-мм... – замылся Барталан, – я, хм, могу предположить, что несколько кланов, до того разобщенных, вступили в военный союз...

– У них нет межплеменной вражды в нашем понимании, – перебил его Ланкастер. – Говорил же – всем: читайте, оболтусы, отчеты! У них имеет место нечто вроде межкланового соперничества. Но не вражда – их и так слишком мало, а кругом абсолютно чужой и агрессивный мир, в котором они выживают уже восемь тысячелетий.

– Я читал, – обиделся Барталан. – Да, вражды нет. Но они все же разобщены – расстояниями, в первую очередь... вот я и представил себе – ну, что-то вроде совета старейшин, на котором решено покусать нас покрепче. На пределе возможностей. Агрессивная молодежь, опять-таки, рвется доказать свою социальную состоятельность. В данном социуме... это вопрос личного выживания. Мы же смотрели – там одни мальчишки были!

– Ну, не одни, – поморщился Рауф. – Но то, что большинство – да, факт, сам видел. Лет пятнадцати – шестнадцати, вряд ли больше. У них бороды только прорасти начали.

Ланкастер втянул щеки.

– Вот дьявол, – произнес он после недолгого молчания. – А это все здорово осложняет. Или Ари прав, и тогда все достаточно просто, или... о, Боже, только не это! Вы не заметили каких-либо странностей в их поведении?

– Да все странно, – пожал плечами начальник штаба. – И численность группы, и тактика. Ну, я понимаю, конечно, они бежали, уверенные, что мы их еще не видим. Но как-то уж очень уверенно. Черт побери! Я ведь, как идиот, ждал, когда погаснет свет! Несчастные покойники еще там шутили... я ведь их намертво убедил: если никто не боится и делает все правильно, ничего страшного не будет. И н-на тебе, з-зараза!

– Вот уж точно, что намертво, – хмыкнул Лемфордер.

– Ты меня в чем-то обвиняешь?! – стремительно развернулся Рауф: несмотря на полумрак, все увидели, как задрожали его губы.

– Прекратить треп!!! – Рявкнул Ланкастер. – Иди к Моне, Раф, лечи нервы... нашелся мне на голову. А ты, Лем, сиди молча...

– Тоже тут, аналитик, – Рауф провел рукой по лбу и отвернулся к стене.

– Пейте, что вы расселись, как на исповеди, – вздохнул генерал. – Нервы у всех!

– Я сам поговорю со Скоттом, – буркнул в стену начштаба.

Ланкастер раздраженно махнул рукой и выбрался из-за стола.

– Значит, пока примем версию Барталана, – сообщил он, почесывая шею. – Исходя из нее, будем ждать нападения – не исключено, что более серьезного. Так, увеличиваем состав охранных сил, больше внимания маскировке, и – задача пока все та же: тотальное уничтожение нападающих. Стрелять мы умеем...

– Следующий выход геологов – через трое суток, район известен, – напомнил Барталан. – А что делать с этими? Они там еще не закончили.

– Они вернуться после того, как на месте трагедии побывают родственнички почивших. Ари, сделай мне так, чтобы орбитер не упустил этого душераздирающего зрелища.

– Слушаюсь, командир. Не упустим.

– Ну и хорошо. Оперативные планы должны быть у меня на столе завтра в полдень. Идите, отсыпайтесь. Хотя я бы порекомендовал кое-кому выпить. Свободны!

Оставшись в одиночестве, Виктор подошел к окну и некоторое время стоял, глядя на далекий восток, где над бесконечным серо-зеленым морем леса все выше поднимался шатер алого света. Солнечные лучи неторопливо пробивали утреннюю дымку, делая все более контрастным, отчетливым: рождающееся утро стремилось прогнать суетливый морок прошедшей ночи, но сейчас легион-генерал Ланкастер не мог видеть этого. Он смотрел на далекий лес мертвыми, остановившимися глазами.

Ему не в чем было винить себя. Ни в несобранности и неспособности видеть проблему целиком, ни даже в сентиментальности. Он видел слишком многое, чтобы понимать: в с е учесть немисливо. Принимать во внимание возможное изменение устоявшейся тактики противника? Но в данном случае мотивация неприятеля не представляла никаких проблем, – ну, или почти никаких. И все же это случилось – два трупы штатских, тех, ради кого «Мастерфокс» и загнали на эту идиотскую планету.

Что-то здесь было не так. Ланкастера сверлила догадка, но она казалась до того страшной, что даже и думать о ней не хотелось. Нет, нет, сказал он себе. Это чушь, такого не может быть. Просто они действительно объединились, посоветались и решили дать молодежи шанс на самореализацию. Фу дьявол, до чего ж я стал мудрым, тошнит просто... Шанс, самореализация... повоевать охота сукиным детям: так что будем смотреть на вещи проще, key?

Как же вымотала нас эта война – дурацкая, дурацкая, война непонятно за что и против кого... самая идиотская война во всей, пожалуй, истории человечества. Она словно бы оскорбила всех нас, только понимать это мы стали много позже, тогда, когда вчерашние залпы стали не забываться еще, нет, а как бы поблекли, что ли. И тогда вдруг мы задали себе вопрос: а с кем,

собственно, мы воевали? С кем и чего ради мы дрались с такой невероятной яростью, миллионами укладываясь в могилы? Последняя Большая, навсегда угробившая Империю и показавшая нам истинное место дутой гордости – да, там все понятно, мы воевали чтобы выжить, просто остаться на свете, вцепившись в свои никчемные шарики: а эта? – нас ведь даже не собирались убивать!

В том-то и дело: когда мы наконец осознали, что нас будут всего лишь «воспитывать», ставить на путь, так сказать, истинный, мы попросту озверели. И я озверел, хотя права не имел, как не имею и сейчас. Но – после вчерашнего озверения, потери, по сути, облика человеческого, пришла едва ли не радость. Все, теперь у нас нет ни сострадания, ни гуманности, – морали вообще. Мы теперь убедились: выживает только тот, у кого крепче зубы. Раньше, даже погибая, мы в это верить не хотели. Теперь, когда нам грозила не гибель, а у н и ж е н и е, мы враз позабыли и мораль и гуманизм. Хо-хо, мы этому обрадовались!

Н-да, мы им показали, как мы умеем воевать. И как мы умеем думать – за неполных два года создали принципиально новые системы вооружений и новую тактику: при том, однако, что за последние триста лет в этой области ничего нового не появилось, кроме, конечно, волновой тяги кораблей. Но тяга всего лишь приятное приложение... оружие, по сути, было все тем же, что и раньше. Системы управления не менялись вообще. Даже в мелочах. И тут мы им показали... вопрос: а как мы будем жить дальше? Жить, понимая, что воевать по-старому, соглашаясь на перемирия, признавая те или иные результаты войны, – мы уже никогда не сможем, теперь любая война будет войной на уничтожение противника, теперь мы любого будем вбивать в каменный век, причем навсегда, без права возврата? Как? Теперь мы – потенциально – самая опасная раса известной части Галактики.

Неужели не было иного способа? Способа мышления, наконец?

Нет, сказал себе Виктор, отходя от окна. Не было. И поэтому мой начальник штаба превращается в невротика, а сам я страдаю шпиономанией.

На панели пискнул вызов дежурного адъютанта.

– Глава ученой миссии доктор Скотт.

– Просите.

Придать лицу скорбное выражение он не потрудился. Не со Скоттом: это будет фальшиво, а тот слишком умен.

Доктор не вошел даже, а ворвался. В глазах была растерянность, немного удивившая Ланкастера. Генерал молча указал ему на кресло, сам оставшись возле стола.

– Вы завтракали, док?

– Ч-что? – Скотт вздернулся, непонимающе уставился на возвышавшегося над ним Виктора.

– Выпейте. Вот, прошу вас...

– С утра я не... а, впрочем, какая теперь разница. Вы знаете, один из убитых был моим личным другом.

– Я соболезнаю, вам доктор. Но упрекнуть моих людей мне не в чем. На временную базу было совершено нападение. Именно нападение, военная акция, а не набег с целью захвата заложников или оружия. Аборигены собирались вести бой, рассчитывая, вероятно, на привычную для них неподготовленность и малочисленность охранных сил. При удаче они, наверное, думали всех там переколотить. Ну, что ж... на этот раз не ушел ни один.

Скотт поморщился от рома и поставил стакан на стол, глазами требуя продолжения. Ланкастер охотно налил ему полный и все-таки придвинул поближе тарелочку с ветчиной.

– Адъютант, кофе! – приказал он, протянув руку к пульту.

– Хорошенькое дело, – выдохнул Скотт. – Переколотить... всех? Но как они решились?

– Мой начальник разведки считает, что мы имели дело со сводным отрядом агрессивной молодежи. Для них этот рейд мог стать чем-то вроде экзамена на аттестат охотничьей зрелости.

Или, может, половой, не знаю. Ясно, конечно, что без разрешения старейшин они бы шагу не ступили. К тому же кто-то выдал им драгоценное имперское оружие. Почти все аборигены были вооружены излучателями – вам говорили об этом?

– Н-нет еще. Собственно, я и пришел к вам за подробностями. А как вы считаете – это может повториться?

– Еще несколько раз. Без трупов, я надеюсь.

Ученый жадно присосался к большой глиняной кружке, принесенной дежурным. Отставив ее, он снова схватился за ром.

– Может быть, все же стоит провести какие-то зачистки? Акции устрашения?

– Акцию устрашения мы как раз сейчас и проводим. А что до зачисток – да, у меня целый легион, прекрасно вооруженный и натасканный. Но ничего подобного я делать не хочу. На практике идея зачистки нереализуема. Как вы себе это представляете? Ну прилетели, ну, прошерстили деревню. Пока туда-сюда, все оружие будет попрятано. Ну да, я понимаю, как вы себе это представляете: неожиданный налет, высадка, прочесывание. Да, это мы делать умеем. А норы, которые, кажется, проели тут весь обитаемый континент, вы их учли? Один раз, возможно, и получится. А дальше – засады и бесконечные перестрелки. Почитайте имперский отчет. Тут воевал целый легион, обученный ничуть не хуже, чем мои ребята. А может, и лучше, потому что это были все-таки егеря, специально подготовленные для войны в горах. Сколько народу положили в пещерах? Кажется, три дивизиона целиком. Мило, не правда ли? Конечно, я не могу вам обещать, что впредь не погибнет ни один геолог. Но насколько я вижу ситуацию, ничего более реалистичного, чем подготовленный нами план, пока изобрести невозможно. Либо мы их запугаем, и они предпочтут держаться от нас подальше, либо эта битва будет бесконечной.

– А может, вам стоит поговорить с Эрикой? – в глазах ученого появилась задумчивость.

– С этой, из Комиссии? – удивился Ланкастер. – Помилуйте, да о чем же с ней говорить? Из-за таких, как она, погибла уйма народу.

– Но она знает о бородатых гораздо больше, чем вы. И потом: в каком-то смысле она тоже работает над обеспечением нашей безопасности. Ну, теоретически.

– Я таких теоретиков!.. а впрочем, ладно. Правда, вы, кажется, говорили, что она не очень-то доброжелательна?

– У нее сложный характер. Но цель-то у вас общая...

– Не знаю, не знаю. Ее коллеги крепко попортили мне нервы. Они то и дело путаются под ногами, а потом льется кровь. Причем, заметьте, виноватым оказывался я, а не они. А всего-то – чуть больше скромности, чуть трезвее самооценку...

– Я слышал, – хмыкнул Скотт. – Я вообще много чего слышал, только какое теперь это имеет значение?.. Эрика единственный человек на планете, разбирающийся в психологии аборигенов. Давайте начистоту, генерал: для нас с вами они просто не люди.

– Для меня они объект повышенного внимания, – усмехнулся в ответ Ланкастер. – А для нее предмет изучения.

– Не совсем так. Эрика, как мне, кажется, идеалистка. Она действительно пытается их понять. Вы знаете, что она вызвалась заменить наших заложников – и в итоге ее отпустили!

– Как это?

– Ну-у, там была целая история. В конце концов ее привезли на птице, что вообще редкость: говорят, они почти утеряли искусство приручения своих небесных скакунов. Или мор был, и почти все птенцы погибли, не знаю толком. Мне и не важно. Но они ее привезли и высадили возле границы силового поля. Живую и невредимую.

– А разведка? То есть разведка того... легиона, что стоял здесь раньше? Они с ней беседовали?

– Насколько я понял, нет. Там все были поглощены идеей передать аборигенам испорченное оружие – ну и передали. Больше их ничего не волновало.

– И уже получив хлам, они ее все же отпустили?

– Да. Там ведь был не совсем хлам, просто испарители поставили почти прогоревшие. На пару десятков выстрелов, не больше.

– Господи, эти кретины даже не отметили этот инцидент в отчете. Про заложников и излучатели я помню, а про Эрику там ни слова. Какие идиоты!.. Да, я действительно поговорю с ней. А про ваших, доктор – не переживайте, мы примем все возможные меры. Вплоть до того, что ребята будут поддевать бронекомбезы. Это я вам могу обещать твердо.

2.

Под ногами была трава – густая и жесткая, способная, пожалуй, прорезать голую стопу. Ланкастер усмехнулся: интересно, а как же выживали здесь они? Хотя у них и ноги, наверное, были другие, твердые, как железо. Когда ребят утащили с Земли, сапог там еще, кажется, не носили. Что, впрочем, я знаю о сапогах в те времена?

Он оглянулся, чтобы посмотреть на серебристые пенные блоки типового танкового парка, оставшиеся далеко за спиной. Там шла обычная послеобеденная возня с никому не нужной проверкой машин, едва слышно гудели два или три мотора. Вечно мы думаем, чем занять солдата... как будто ему на самом деле нечем заняться. Сплюнув, генерал зашагал дальше, к решетчатым башням противодесантного комплекса, вынесенного на самый край окутанной силовым полем территории. Без поля на Альдарене было никак нельзя: низкая гравитация породила огромное количество летающих хищников самых разных калибров, от мелочи размером с ноготь до сорокаметровых гигантов – вся эта публика то и дело втыкалась в купол, обжигалась и с жалобными воплями летела дальше, уже забыв, кажется, о пережитом приключении. Ланкастер не раз с интересом наблюдал за охотой грациозных, кажущихся почти ленивыми крылатых, которые, срываясь в стремительное пики, подхватывали добычу с поверхности буквально в метре от границ поля. Крупные хищники, похоже, были умнее мелкоты, по крайней мере они на купол напарывались гораздо реже. Лемфордер, правда, выдвинул теорию о том, что из-за особенностей зрения мелкие летуны просто не видят голубоватое свечение над базой, но проверять ее было некому: биологов здесь не водилось.

Если б не особенности расположения, делавшие Альдарен невыгодным с навигационной точки зрения, то базы здесь построили бы уже очень давно, и не факт, что люди. Кто-то, кажется, и строил, по крайней мере в имперских отчетах попадались упоминания о каких-то загадочных гранитных причалах на большом острове в южном полушарии – но в предвоенный период Империи было уже не до археологии. Росс и Корвар, которые вышли в Большой космос на столетия раньше людей, Альдарен просто не успели найти, пронырливые лидданы так далеко от метрополии свои флоты не загоняли; может, то были торговцы-глокхи... Ланкастеру хотелось слетать туда, но он понимал, что на такую экспедицию у него вряд ли найдется время.

Жуя погасшую сигару, он постепенно добрал до контрольного поста противодесантного дивизиона. Навстречу ему из полосатой будки выскочил сержант в комбинезоне, отдал честь и отрывисто попросил разрешения доложить командиру.

– Да зачем? – лениво отмахнулся Виктор. – Все равно ведь ты вызовешь его, едва я отойду. Где его искать?

– Штабной блок желтого цвета, – моргнув от неожиданности, пояснил дежурный. – Во-он туда, за рощицу...

Ланкастер кивнул и зашагал по чисто выметенной бетонной дорожке. Здесь, в отличие от расположения его легиона, реконструкция старинной имперской базы была проведена гораздо хуже: дорожку просто кое-как залатали и бросили. Имперцы строили на века, но веков ока-

залось много больше, чем они могли предположить. Роша, о которой говорил сержант, умудрилась прорасти прямо через осевший и растрескавшийся бетон, превратив остатки бывшего то ли плаца, то ли тренировочного парка в некое подобие миниатюрных развалин. Солдаты Томора, очевидно, растащили наиболее крупные обломки, плюнув на все остальное, – теперь это выглядело так, будто исполинские деревья выросли среди покосившихся стен и бастионов старинной крепости.

Сержант, разумеется, успел доложить. Огибая рошу, Ланкастер увидел, как распахнулась дверь желтого двухэтажного строения с десятком разнообразных антенн на крыше, и на крыльцо, прикрытое полукруглым козырьком, выскользнул командир дивизиона.

– Не спешите так, дружище! – крикнул он ему, заметив, что Томор собирается перейти с рыси на галоп. – Я от вас никуда не денусь, поверьте... лучше распорядитесь насчет кофе. Сегодня немного прохладно, вам не кажется?

Пройдя вслед за хозяином в кабинет, Виктор уместился в широком, невоенного образца кресле и раскурил наконец свой окурочок. Томор тем временем достал высокую бутылку весьма приличного коньяка.

– Кофе сейчас будет, – словно извиняясь, сообщил он. – С поваром у меня полный порядок.

– У меня тоже, – добродушно отозвался Ланкастер, обозревая кабинет комдива. – Что-то я не пойму, полковник – стол у вас имперский, что ли?

Томор почесал затылок.

– Мародерствую, – честно признался он. – Тут оказалось, что прямо под нами – резервные входы в подземную часть старой базы. А там...

– Что, все так хорошо сохранилось? Да как такое может быть?

– Там очень сухо и вентиляция хитро продумана. Стол, кресла – это все ерунда. Там все системы жизнеобеспечения могут работать, и гравитационный реактор тоже. Мы тут, в принципе, можем осаду выдержать. Имперцы-то, собственно, все свои базы такого ранга строили с многократным запасом долговечности – именно из расчета на долгую осаду. Восемнадцать этажей, представляете? Ничем не прошибешь. Были б еще планы...

– Да, гм, планов нет. Уцелели только кое-какие отчеты, да и то в основном относящиеся к более позднему периоду, чем строительство. О базе мы толком ничего не знаем. Кажется, я слышал, что второй узел входа на глубину расположен на юге – там, где уже наши всю энергетику монтировали.

– Не знаю, я запретил солдатам лазить вниз. В конце концов, одному господу известно, что там можно еще найти. Я говорю – восемнадцать этажей, но это только те, до которых я добрался сам со своими офицерами. Что дальше – понятия не имею.

В кабинет крадучись вошел щуплый немолодой унтер с нашивками мастер-повара на рукаве. Он водрузил на стол поднос с парой глиняных чашек и, довольно неловко отдав Ланкастеру честь, удалился. Виктор повел бровями – унтер был явно кадровый, но какой-то вопиюще нестройной, – и потянулся за кофе. В отличие от разносчика, напиток был настоящий десантный: крепкий до одури и очень сладкий.

– Значит, в случае чего вам есть где прятаться, – подмигнул он Томору, смакуя кофе. – Недурной погребок, а?

– Прятаться я не намерен, – комдив обиженно сложил губы сердечком. – С такой-то техникой... а что, – вдруг спохватился он, стараясь, тем не менее, не смотреть в глаза генералу, – вы думаете, что?.. э-ээ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.